

НА РУССКОМ ФРОНТЕ

Глава 15

ВЕСНА ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ ГЕНЕРАЛА НИВЕЛЯ

Третий год войны (1917) должен был стать годом окончательной победы над центральными державами. Такова была суть решения, принятого военными руководителями Антанты на совещании в Шантильи 3 ноября 1916 года. На межсоюзническом совещании, состоявшемся в Петрограде в январе, делегаты Англии, Италии, России и Франции подтвердили протоколы совещания в Шантильи. Были разработаны планы военной кампании 1917 года, которая предусматривала ведение боевых действий на всех союзнических фронтах; по единодушному мнению участников встречи, решительное совместное наступление русских и румынских войск на севере и армий Антанты на юге должно будет неминуемо вынудить Болгарию немедленно выйти из войны. Русско-румынское наступление планировалось на первую неделю мая.

12 декабря 1916 года маршала Жоффра на посту главнокомандующего французской армии сменил генерал Нивель. Свою славу Нивель завоевал в ходе успешных наступательных действий под Верденом осенью 1916 года и в глазах французов был национальным героем.

Подготовка ко всеобщему наступлению проводилась ускоренными темпами, однако падение русской монархии 27 февраля неожиданно поставило Россию на грань катастрофы, как и положение на русском фронте. Сообщения о создавшейся ситуации генерал Нивель получил, должно быть, от главы французской миссии при русском Генеральном штабе генерала Жанэна.

Столь неожиданное и масштабное изменение в судьбе союзной страны, имеющей линию фронта в две тысячи километров, должно было бы послужить для нового главнокомандующего вооруженными силами союзников на Западе достаточным основанием для пересмотра плана или, по крайней мере, для отсрочки его осуществления.

И даже если бы генерал Нивель предпочел не принимать в расчеты возникший хаос в России, он не мог не знать, что в ноябрьских сражениях предыдущего года румынская армия была на голову разгромлена германскими и болгарскими войсками в Трансильвании и что с начала декабря Румыния была оккупирована немцами!

Тем не менее генерал Нивель, без каких-либо предварительных консультаций с русским Верховным командованием, принял решение начать военные действия на русско-румынском фронте не в мае, а в конце марта или в первых числах апреля. Исход наступления генерала Нивеля имел столь существенное воздействие на все последующее развитие событий первой мировой войны, что я позволю себе более или менее полностью процитировать соответствующие документы.

8 марта генерал Жанэн передал генералу Алексееву следующую записку Нивеля: "Генерал Жанэн... имеет честь передать... ниже-следующую телеграмму, только что полученную им от генерала Нивеля:

"Прошу вас сообщить генералу Алексееву следующее: по соглашению с высшим английским командованием я назначил на 8 апреля (по новому стилю) начало совместного наступления на западном фронте. Этот срок не может быть отложен.

Неприятель начал отходить на части участка фронта английского наступления и деятельно готовится к дальнейшему развитию отходного движения на части фронта нашего наступления, обнаруживая этим свое намерение уклониться от боя при помощи маневра, который позволяет ему к тому же собрать новые и значительные силы. Нужно поэтому, чтобы мы начали наше наступление как можно скорее, не только для того, чтобы выяснить положение, но и потому, что отсрочить наше наступление значило бы сыграть на руку противнику и, кроме того, рисковать, что он опередит нас.

На совещании в Шантильи 15 и 16 ноября было решено, что союзные армии будут стремиться в 1917 г. сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия. Я введу для наступления на Западном фронте все силы французской армии, так как буду добиваться *решиительных результатов* (курсив мой. — А. К.), достижения которых в данный период войны нельзя откладывать.

Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля (по новому стилю). Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными для того, чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления...

Должен добавить, что никогда положение не будет столь благоприятным для [русских] войск, так как почти все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте, и число их растет здесь с каждым днем!

Главнокомандующий".

В телеграмме, пришедшей вслед за этим, генерал Нивель обращает мое внимание на то обстоятельство, что вышеизложенная просьба находится в полном соответствии с соглашением, достигнутым союзниками по четвертому вопросу, обсуждавшемуся на последнем совещании в Петрограде, и просит меня, базируясь на этом соглашении, настаивать перед вашим высокопревосходительством на полном ее удовлетворении.

Жанэн”*.

В кратком ответе генералу Жанэну генерал Алексеев указывает на невозможность выполнения предложенного французским главнокомандующим плана и одновременно направляет Нивелю отношение, которое напоминает скорее указание подчиненному, нежели письмо равному по званию. В весьма сдержанной и спокойной манере генерал Алексеев объясняет Нивелю опасность, которую представляет для всех союзников его опрометчивый и чрезмерно поспешный план всеобщего наступления. С удивительной точностью он предсказывает последствия наступления союзников, не поддержанного наступлением на русском фронте. В отношении [от 13(26) марта 1917 года] говорится:

”Свидетельствуя свое совершенное почтение начальнику французской военной миссии в России, считаю своим нравственным долгом, во избежание тяжелых последствий от недомолвок, высказать с откровенностью свое мнение в дополнение письма от 9 марта № 2095.

1) Только что полученное от военного министра письмо указывает, что переживаемое Россией внутренне-политическое потрясение отразилось существенно на состоянии наших запасных частей (депо) всех внутренних округов. Части эти пришли в моральное расстройство и не могут дать действующей армии укомплектования ранее 3—4 месяцев, т. е. ранее июня—июля.

2) Та же основная причина отразилась на пополнении недостающего конского состава во всей армии.

3) Все это заставляет посмотреть прямо в глаза событиям и сказать с необходимой откровенностью, что мы не можем перейти в наступление даже в начале мая старого стиля, и можно рассчитывать на широкое участие в операциях только в июне—июле.

4) Эта обстановка допускает для нашего противника возможность или все резервы собрать на англо-французском фронте или значительными силами обрушиться на нас, чтобы использовать период нашего временного ослабления.

5) Полагаю, это обстоятельство должно внести известные перемены в соображения о действиях ближайшего времени и повлиять на решения французского верховного командования. Сообщение генерала Нивеля от 3(16) марта, что для наступления на Западном фронте он пустит в ход *все силы* французских армий и будет искать решительных результатов, особенно останавливает на себе внимание. Вынужденное и неизбежное, для сохранения в будущем, бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на всех фронтах.

6) При условии нашего вынужденного относительного бездействия, полагаю, что англо-французской армии было бы целесообразно лишь

---

* № 812, копия записки начальника французской военной миссии генерала Жанэна генералу Алексееву, содержавшей просьбу о начале наступления. Цит. по: Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 5 (30). С. 28—29.

медленное, осмотрительное движение за отходящим противником, занятие новой сильной оборонительной линии.

7) Это исключает, по моему мнению, желательность общей решительной атаки англо-французского противника, отходящего несомненно, на сильно укрепленную линию и, может быть, задумывающего выполнить обширный маневр в открытом поле, где свободное маневрирование резервов даст той или другой стороне счастливые случайности. Но в этой операции противник, опираясь на подготовленную укрепленную позицию, будет иметь несомненные преимущества.

Генерал Алексеев”.

В ответ на это отношение генерал Нивель 15 марта сообщил, что операции британских войск уже начались, и он вновь настаивает на немедленном наступлении русских войск, добавив весьма нравоучительно, что “в настоящее время лучшим решением в интересах операции коалиции и, в частности, принимая во внимание общее духовное состояние русской армии, был бы возможно скорый переход этой армии к наступательным действиям”.

Это новое требование и развязная ссылка на психологическое состояние русской армии привели генерала Алексеева в ярость. В телеграмме генералу Палицыну 2 апреля (20 марта) он сообщает:

“...если успокоение, признаки коего имеются, наступит скоро, если удастся вернуть боевое значение Балтийского флота, то, кто бы ни был верховным, он сделает все возможное в нашей обстановке, чтобы приковать к себе силы противника, ныне находящиеся на нашем фронте... Но ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам, так как весна только что начинается, снег обильный и ростепель будет выходящей из ряда обычных”*.

Однако “генеральное наступление” уже началось. Остановить продвижение английских войск в секторе Аррас—Суасон было абсолютно невозможно. С этого времени события развивались в основном так, как и предсказывал Алексеев. Чрезмерно пылкий генерал Нивель допустил явный просчет, и английская и французская армии попали в западню. На севере англичане не смогли преодолеть германские оборонительные укрепления и, продвинувшись всего на несколько миль, были остановлены, понеся тяжелые потери. В Шампани французская армия также потерпела сокрушительное поражение, потеряв огромное число убитых.

Еще более тяжелыми были, пожалуй, последствия психологические. В ряде корпусов солдаты стали проявлять все большее недовольство офицерами; все шире распространялась антивоенная пропаганда; усилились требования о немедленном заключении мира. Напряжение достигло высшей точки, когда два корпуса, взбунтовавшись, начали поход на Париж. 15 мая генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Петеном, который до того организовал оборону под Верденом и пользовался огромным уважением и престижем в армии.

Остановив поход взбунтовавшихся солдат на Париж и восстановив закон и порядок, почти не прибегая к тяжким репрессивным мерам, генерал Петен отвел нависшую над союзническими армиями угрозу. Проводя планомерный отход на новые позиции, которые он сам и выбирал, генерал все то лето и осень находился в обороне.

---

* Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 5 (30). С. 34.

Таким образом, безрассудная попытка Нивеля ввести в дело всю французскую армию и добиться решающих результатов без поддержки русского фронта окончилась поражением и не только сорвала возможность совместного наступления с востока и запада, но и лишила страны Антанты всех надежд на окончание войны в 1917 году.

Разногласия среди союзных держав позволили также германскому правительству и Верховному командованию принять пресловутый "генеральный план". Он был разумен и четок: прежде всего, прекратить все операции на русском фронте и вместо этого предпринять "мирное наступление" в сочетании с пораженческой пропагандой, парализуя тем самым русский боевой дух; во-вторых, перебросить все регулярные дивизии с русского фронта на Западный, сконцентрировав в том районе все силы германской армии; и, в-третьих, осуществить решающее сражение в Западной Европе прежде, чем Соединенные Штаты смогут оказать реальную и эффективную помощь союзникам.

Единственное средство сорвать этот хитроумный план заключалось в предотвращении распада русского фронта, в восстановлении воинской дисциплины и в возобновлении боевых действий, поскольку бездействующий и деморализованный фронт грозил превратить Россию в послушную жертву разрушительной пропаганды. И действительно, именно возобновление военных действий на русском фронте сделало невозможной в конечном счете победу Германии в первой мировой войне.

Позднее генерал Гинденбург подтвердил в своих мемуарах, что в 1917 году русское Верховное командование разгадало цели германского "мирного курса" на русском фронте, избрало для русской армии правильный стратегический план действий и полностью выполнило его.

РУССКИЙ ФРОНТ

Деморализация русских войск осенью и зимой 1916 года побудила царя прибегнуть к чрезвычайным мерам в тщетной попытке подготовить весеннее наступление. Действуя по наущению исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерала Гурко, царь принял решение о реорганизации армии.

Следуя "прямой воле" царя и твердым убеждениям Гурко, было решено, вопреки возражениям командующих Северным, Западным и Юго-Западным фронтами, перебросить дополнительно 20 дивизий с вышеуказанных фронтов на Румынский фронт. К лету для операций на европейских фронтах предполагалось сформировать 21 дивизию. Еще одно решение предусматривало реорганизацию по германскому образцу корпусов, состоявших из двух дивизий, в корпуса из трех дивизий. В процессе формирования находилось 70 тяжелых артиллерийских батарей. Наступление на русском фронте планировалось начать в начале мая, когда будет завершено строительство железнодорожных путей в сторону Румынии.

Будь в то время генерал Алексеев в Ставке Верховного главнокомандования, этот план никогда не появился бы на свет божий, ибо с военной точки зрения радикальная реорганизация армии и транспортной системы за несколько месяцев до начала наступления была абсолютно неосуществима даже в том случае, если она проводилась по "прямой воле" царя.

В разгар этой-то поспешной и хаотической реорганизации из столицы пришла весть об отречении царя. Сообщение о перевороте в Петрограде было с огромным энтузиазмом воспринято солдатской массой и многими офицерами. Высшие командиры, которые, как и Дума, и Ставка, с самого начала требовали отречения царя в пользу наследника, видя в этом единственное средство сохранения монархии, были захвачены врасплох происшедшим. Но у них не возникало и мысли попытаться восстановить власть династии. Как и следовало ожидать, психологическая реакция на фронте была той же, что и во всей стране.

На первый взгляд падение монархии и последовавший за ним развал всего правительственного и административного аппарата никак не сказались на фронте. Создавалось впечатление, что структура действующей армии, включая внутреннюю связь — от командиров отдельных фронтов до рядовых солдат в окопах, — осталась в неприкосновенности.

Однако все это было лишь на поверхности. Недоверие к Верховному командованию, которое неудержимо нарастало в нижнем эшелоне в те несколько месяцев, которые предшествовали катастрофе, в первые недели после революции вырвалось наружу и привело к взрыву, подорвав саму основу дисциплины — доверие солдат к офицерам.

Привычный для солдат распорядок фронтовой жизни был нарушен, и солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, беспрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой, и отказываясь выполнять приказы. Ощущая утрату своего авторитета, в полной растерянности от создавшейся ситуации, офицеры колебались, стоит или не стоит вообще отдавать какие-либо приказы.

В первые недели после падения монархии вся страна прошла через кризис, но именно на фронте этот кризис приобрел наиболее глубокие и опасные черты. Ведь с потерей дисциплины армия неизбежно разлагается и теряет свою боеспособность.

В этот-то начальный период разложения в действующей армии и стали впервые выбираться комитеты. Одновременно с этим Дума и Петроградский Совет начали направлять на фронт своих делегатов, с тем чтобы рассказать солдатам о прошедших событиях и внести успокоение в их души.

Но не прошло и нескольких недель, как непререкаемый авторитет Думы среди солдат стал постепенно уменьшаться и ее делегаты стали поспешно ретироваться из фронтовых воинских частей. Таково было следствие отказа Думы в первый день революции от руководящей роли в общенациональном революционном движении.

С другой стороны, делегаты Совета, действуя от имени рабочих и крестьян, стали быстро набирать в армии силу — именно им доверили выступать в качестве комиссаров, ответственных за всю деятельность созданных комитетов, а также в качестве посредников между комитетами и офицерами. То же самое произошло и на флоте.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, большевистские агенты под личиной делегатов и комиссаров внедрились в армию; такое нетрудно было осуществить в первые дни революции, когда "комиссарские мандаты" выдавали всем без исключения, не удосуживаясь проверить, с какой целью претендент на мандат отправляется на фронт.

Германское правительство давно мечтало о разрыве стального кольца, которым Антанта окружила Германию, и наконец-то увидело возможность осуществления своего "генерального плана".

Действуя по инструкции германского главнокомандования, главнокомандующий Восточным фронтом баварский кронпринц Леопольд вне-

запно прекратил все боевые действия против русских, и над германскими позициями нависла мертвая тишина. Неожиданно принц Леопольд превратился в апостола мира, в друга русских солдат и злейшего врага империалистических поджигателей войны.

Расположения русских войск были засыпаны листовками за подписью принца. В них он призывал русских солдат замиряться с германскими братьями по другую сторону окопов и обещал не вести против них боевых действий. Он также требовал опубликования секретных договоров между Россией, Англией и Францией, поощрял недоверие к русским офицерам и называл членов Временного правительства не иначе как наймитами франко-английских банкиров.

Уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму*, становилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, представители высшего российского сословия, выступают против него.

Германское Верховное командование было отлично осведомлено обо всем том, что происходило на русской стороне, и полностью этим воспользовалось. Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползать к русским "товарищам" и брататься с ними. Со временем немцы и вовсе осмелели и начали посылать на русскую сторону офицеров с белыми флагами, которые обращались с просьбой передать штабному начальству предложение о перемирии. Некоторые русские батареи пытались отогнать непрошенных гостей орудийным огнем, однако такие действия вызывали волну возмущения, особенно в "третьих дивизиях", ставших злосчастным изобретением генерала Гурко.

Активным участником всех этих спектаклей был немецкий лейтенант по фамилии Волленберг, которому позднее, в 1918 году, его германские начальники поручили помочь Ленину в создании интернациональных батальонов. В 30-х годах Волленберг, к тому времени политический эмигрант, посетил меня в Париже. Он подробно рассказал мне о том, как воплощались в жизнь германские замыслы развала русского фронта. Германское правительство рассматривало эту подрывную деятельность как крайне важную "техничко-военную" миссию, к выполнению которой привлекались специально подготовленные группы офицеров и солдат.

Русские офицеры и члены полковых комитетов делали все возможное, чтобы противодействовать успеху германской пропаганды, однако все их усилия оказались тщетными: братание приобрело масштабы эпидемии. Блиндажи и окопы опустели, развал военной дисциплины мало-помалу достиг своего апогея. А тем временем регулярные германские дивизии одна за другой переправлялись на Западный фронт.

В такой успех для Берлина вылилось злонамеренное пропагандистское "наступление" Германии, вызывавшее в России все растущую тревогу за судьбу фронта.

Незадолго до возвращения в Петроград Ленина, 15 марта 1917 года, в "Правде" появилась статья не кого иного, как Иосифа Сталина**, только что вернувшегося из ссылки.

"Война идет. Великая Русская Революция не прервала ее. И никто не питает надежд, что она окончится завтра или послезавтра. Солдаты,

---

* Две трети солдат-пехотинцев погибли или получили ранения в предыдущие годы, и, по словам Брусилова, армия превратилась в "милицию".

** Так у автора. Имеется в виду статья Л. Каменева. — *Прим. ред.*

крестьяне и рабочие России, пошедшие на войну по зову низвергнутого царя и лившие кровь под его знаменами, освободили себя, и царские знамена заменены красными знаменами революции. Но война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти.

Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды — снарядом. Это непреложно.

Революционный солдат и офицер, свергнувшие иго царизма, не уйдут из окопа, чтобы очистить место германскому или австрийскому солдату и офицеру, не нашедшим еще в себе мужества свергнуть иго своего собственного правительства. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции! Война должна быть закончена организованно, договором между освободившими себя народами, а не подчинением воле соседа-завоевателя и империалиста”.

Несмотря на все попытки противостоять пагубному воздействию германской пропаганды, солдаты в окопах продолжали с энтузиазмом заниматься братанием.

Однако выдержать столь долгое затишье на фронте было не в характере принца Леопольда и его начальника штаба генерала Гоффмана. Соблазн был слишком велик, и они в конце концов не устояли перед искушением.

Без всякого предупреждения германские части перешли в наступление в районе реки Стоход в расположении армии специального назначения. Наступление началось 21 марта в разгар половодья, и русский корпус под командованием генерала Леща был полностью разгромлен.

В Берлине были в высшей мере раздосадованы самоуправством генерала Гоффмана и его несанкционированными операциями, которые легко могли сорвать планы развала русской армии мирными средствами. Генералу приказали немедленно прекратить военные действия, а победу на реке Стоход было решено отразить в официальном коммюнике по возможности в наиболее сдержанных тонах*.

Однако германскому правительству не удалось скрыть правду от русской общественности и русской армии, поскольку подробный отчет о том, что произошло, был сразу же помещен на страницах русских газет. Весть о поражении на реке Стоход потрясла Россию и породила глубокую тревогу относительно общего положения на фронте. Эту тревогу еще более усугубило заявление германского Верховного командования, беспрецедентного за всю историю войн. В заявлении, подписанном Гинденбургом, наступление в районе реки Стоход характеризова-

---

* "...После небольшого перерыва последовало повторение артиллерийской и газовой подготовки, а затем атака пехотой. На этот раз противнику удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять первую линию окопов. Немцы снова понесли большие потери, но еще большие потери были от огня у наших дивизий, так как укрытия были в значительной части разрушены. Когда, после третьей артподготовки, немцы ввели свежие силы; наша пехота, находящаяся на плацдарме, не могла уже оказать сопротивления, а отвести войска через залитую водой долину было невозможно. Мы потеряли и плацдарм, и три дивизии” (Горбатов А. В. Годы и войны. Новый мир. 1964. № 3. С. 155).

лось как случайное "недоразумение", которое никогда впредь не повторится. Это обещание встречалось в заявлении неоднократно и действительно впоследствии не нарушалось.

Именно в этот момент (3 апреля) в Петроград прибыл Ленин. Это могло способствовать осуществлению планов генерала Гоффмана. Ленин резко изменил политику большевиков, нашедшую отражение в статье Сталина* в "Правде", и все его статьи, заявления и лозунги стали вселять надежду на успех пропагандистской кампании, развязанной принцем Леопольдом и его приспешниками.

Цели, которые преследовал Ленин и германские "миротворцы", были диаметрально противоположны и, безусловно, непримиримы, но средства их достижения у того и других — разрушение боевого духа России — совпадали. Большевистская зараза быстро распространилась по телу армии. Все попытки возобновить подготовку к боевым действиям встречали решительное сопротивление солдат по всему фронту. Были роты, полки и даже целые дивизии, где в комитетах доминировали большевистские пораженцы и платные германские агенты. Комитеты подвергали офицеров и комиссаров в этих подразделениях непрерывной травле. Приказы не выполнялись, а командиров, которые не пришлись по вкусу комитетам, заменяли демагогами и бесчестными приспособленцами.

Несомненно, все это в высшей степени затрудняло восстановление боеспособности русской армии; и все же после Стохода и поражения армий генерала Нивеля германо-большевистская коалиция оказалась неспособной, по крайней мере на тот момент, достичь своей цели и полностью парализовать военные усилия России.

ВОЗРОЖДЕНИЕ БОЕВОГО ДУХА

Убеждение, что долг армии — защитить страну, находило все большее число сторонников на фронте.

В своем последнем письме генералу Нивелю (20 марта) генерал Алексеев писал: "...появились первые признаки нормализации положения и этому процессу содействует непосредственная близость врага".

И действительно, уже в начале апреля самые различные комитеты стали принимать решения об отправке в Петроград делегаций, наделенных полномочиями добиться немедленного возобновления в полном объеме производства на оборонных предприятиях и побудить нацию оказать всемирную поддержку защитникам страны.

На первом съезде делегатов солдат-фронтовиков, открывшемся 21 апреля, на котором с откровенными и аргументированными речами выступили Гучков и я, не нашлось практически никого, кто бы поддержал пораженческие взгляды Ленина. Принятая большинством участников резолюция точно отражала новые настроения солдат в окопах.

Тем не менее и в конце апреля продолжалась переброска германских дивизий с русского фронта на Запад.

Спокойная реакция германского Верховного командования на вспышку патриотических настроений в комитетах и войсках была вполне естественной и понятной, ибо Гучков и его сторонники не предпринимали для восстановления дисциплины на фронте никаких реальных мер, ограничиваясь словесными увещеваниями. Более того, они все более и более склонялись к капитуляции перед требованиями военной секции Петроградского Совета.

---

* Так у автора. Имеется в виду статья Л. Камнева. — *Прим. ред.*

В конце апреля Комиссия по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы*, представила военному министру свой проект о правах военнослужащих. Проект почти полностью воспроизводил положения пресловутой Декларации о правах солдат, опубликованной 9 марта военной секцией Петроградского Совета и получившей самое широкое распространение на фронте.

Поливановский проект лишал офицеров всякой дисциплинарной власти, даже в период непосредственных боевых операций, и узаконивал вмешательство комитетов в вопросы назначения, смещения и перемещения командного офицерского состава. Другими словами, он непосредственно противоречил политике Временного правительства, которое в первом же обращении к стране об основах своей политики подчеркивало, что пределы политических свобод военнослужащих ограничиваются необходимыми условиями военных и технических обстоятельств... (пункт 2) и что не допускаются никакие ограничения гражданских прав солдат при условии строгого соблюдения воинской дисциплины и выполнения воинского долга (пункт 8).

Гучков освободил генерала Поливанова от обязанностей председателя комиссии и назначил на этот пост своего ближайшего сподвижника, заместителя военного министра генерала Новицкого, дав ему указание внести изменения в подготовленный проект. Спустя два или три дня Новицкий сообщил Гучкову, что проект был единогласно утвержден без всяких изменений.

В этот момент, когда в армии наблюдалось явное возрождение боевого духа, Гучков, вместо того чтобы положить конец игре между генералами и малосведущими в военных делах гражданскими лицами, принял решение выйти из Временного правительства. О своем решении он объявил в письме князю Львову от 1 мая 1917 г., в котором говорилось: "Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота; условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины, и потому прошу Временное правительство освободить меня от этих обязанностей"***.

Это письмо, опубликованное 2 мая, огульно возлагало вину за происходящее на всех членов Временного правительства, за исключением его автора. Порывая весьма неблагоприятным образом с Временным правительством и демократическими элементами в России, чьей поддержкой он широко пользовался, Гучков рассчитывал объединить вокруг себя тех фронтовых офицеров, которые вследствие крушений монархии оказались в весьма затруднительном, а порой и невыносимом положении. Находясь на посту военного министра, Гучков утратил из-за тесной связи с Поливановским комитетом доверие Верховного командования, не завоевав при этом популярности среди солдат и матросов. В результате он оказался в полной изоляции.

Получив письмо Гучкова, князь Львов немедленно созвал заседание правительства, на котором было утверждено официальное заявление относительно отставки Гучкова. Тут же встал вопрос о преемнике

---

* Комиссию возглавлял генерал Поливанов, занимавший в 1915—1916 годах пост военного министра.

** The Russian Provisional Government, 1917. Vol. 3. P. 1267.

Гучкова. Поскольку его отставка была, несомненно, продиктована не только личным несогласием с политикой правительства, но и схожими взглядами многих высших военных чинов, Львов предложил проконсультироваться по этому вопросу с генералом Алексеевым, как Верховным командующим. Предложение было принято единогласно, и князь Львов поручил В. В. Вырубову* направить Алексееву письмо с просьбой назвать своего кандидата на пост военного министра.

Пополудни следующего дня, до начала заседания правительства, Львов пригласил меня в свой кабинет. Незадолго перед тем ему позвонил из Могилева Вырубов и сообщил, что Алексеев после совещания с командующими всех фронтов передал ему лист бумаги с двумя фамилиями — (1) Керенский и (2) Пальчинский**.

“Кандидатура Пальчинского, — сказал в раздумье Львов, — лишь подчеркивает то обстоятельство, что, с точки зрения всех командующих, только вы являетесь подходящим кандидатом, поскольку они, отдавая должное прекрасным организаторским способностям Пальчинского, понимают, что он недостаточно известен в общественных кругах и совсем неизвестен на фронте. Они понимают также, что нам нужен человек с вашим положением, которому доверяют страна и армия. Ваш долг — согласиться занять этот пост и вы не вправе отказываться”.

Должен со всей откровенностью признаться, что с самого начала гучковского кризиса меня не оставляло предчувствие, что именно на меня ляжет тяжелое бремя его наследства. Может быть, это ощущение и побудило меня 29 апреля столь настойчиво отговаривать его от отставки, обещая всяческую поддержку и убеждая в том, что психологический климат на фронте изменился к лучшему. Сама мысль возложить на свои плечи такую огромную ответственность повергала меня в ужас, а посему я был просто не в состоянии дать немедленный ответ. Я ушел из зала заседания, пообещав вернуться как только приму решение.

Предавшись размышлениям в тиши своего кабинета в здании министерства юстиции, я поначалу посчитал для себя невозможным отказаться хоть на какое-то время от участия в принятии главных политических решений в составе правительства. Политическая ситуация внутри правительственной коалиции была настолько нестабильна, что пустить дела на самотек было нельзя. Придя к такому выводу, я было потянулся

---

* Председатель комитета Всероссийского союза земств на Западном фронте в Минске.

** В личном письме ко мне, датированном 10 января 1958 года, Вырубов приводит такой отчет, взятый им из его неопубликованных мемуаров, о беседе с генералом Алексеевым: “Я передал послание князя Львова. Генерал Алексеев сказал: “Этот вопрос имеет столь важное значение, что я хочу обсудить его с командующими. Подождите немного”. Я прождал полчаса. Вернувшись, генерал Алексеев вручил мне листок бумаги, на котором его мелким, но абсолютно разборчивым почерком было написано: (1) Керенский; (2) Пальчинский; затем он добавил: “Это не только мое мнение, но и мнение командующих”. Признаюсь, я не ожидал такого ответа, поэтому спросил генерала: “А нет ли у вас кандидата из военных?” На что он ответил: “Мы полагаем, что в нынешний момент пост военного министра не должен занимать генерал”.

П. Пальчинский, по профессии горный инженер, беспартийный политический деятель. Прекрасный организатор, активный член правительственного Совета обороны, созданного в 1915 году. Поначалу был членом исполкома Петроградского Совета и выступал посредником между исполкомом и командующим Петроградским военным округом генералом Корниловым. По приказу Временного правительства занял пост председателя Совета обороны.

к телефону, намереваясь сообщить о своем отказе, но тут мне неожиданно пришла в голову мысль о том, что ждет мою работу, правительство, Россию, если нам будет навязано "перемирие". Через два-три месяца полностью развалится русский фронт, на западе завершится успехом "генеральный план" Гинденбурга — Людендорфа, а Россия окажется во власти германских претендентов на мировое господство.

Этого нельзя допустить любой ценой! Никто в России не собирается заключать сепаратного мира с Германией. Россия не может допустить поражения своих союзников, ибо связана с ними общей судьбой. Замыслы Гинденбурга должны быть сорваны, а для этого необходимо возобновить военные операции на русском фронте.

После нескольких часов тяжелейшей внутренней борьбы я в конце концов пришел к выводу, что у правительства, у Верховного командования и у меня самого нет альтернативы, и позвонил Львову, сообщив ему о согласии занять предложенный мне пост.

НАСТУПЛЕНИЕ

К утру 2 мая, после напряженной пятидневной борьбы, развернувшейся внутри социалистических партий относительно предложения князя Львова направить своих представителей в кабинет, правительственный кризис был преодолен.

Немцы, которые оказались в значительной мере дезинформированными, получив от своих агентов неправильные данные о внутреннем положении и соотношении политических сил в России, продолжали в период апрельского восстания большевиков* подготовительную работу к проведению в той или иной форме мирных переговоров. Они считали, что отставка Милюкова и Гучкова станет решающим шагом на пути к сепаратному миру. Однако они просчитались.

5 мая новый кабинет**, в который теперь вошли социалисты, опубликовал декларацию. В первом пункте декларации говорилось, что "Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятия у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. И твердой уверенности, что с падением в России царского режима, утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий созданся новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе деклараций Временного правительства 27-го марта".

Во втором пункте, который определял роль вооруженных сил России, говорилось: "В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе, обрушились всей силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступатель-

---

* Автор имеет в виду апрельские демонстрации, в организации которых приняли участия большевики. — *Прим. ред.*

** Новыми членами Временного правительства стали: представители эсеров: В. М. Чернов — министр земледелия и П. М. Переверзев — министр юстиции; представители от социал-демократов меньшевиков: И. Г. Церетели — министр почт и телеграфа, М. И. Скобелев — министр труда; представитель народных социалистов А. В. Пешехонов — министр продовольствия; представитель кадетов князь Дмитрий Шаховской — министр государственного призрения. Министр финансов М. И. Терещенко получил пост министра иностранных дел; министр земледелия А. И. Шингарев — пост министра финансов, а А. Ф. Керенский стал военным и морским министром.

ных действиях будет являться важнейшей задачей Временного правительства”*.

Каким же образом могла русская армия помешать полному и окончательному развалу Западного фронта, что, несомненно, имело бы губительные последствия для России? План Гинденбурга, как я уже отмечал ранее, предусматривал посредством мирной пропаганды и братания парализовать русский фронт, сконцентрировать всю мощь германской армии на Западном фронте и к концу лета, до прибытия американских войск, нанести там сокрушительный удар. Существовал лишь один способ, с помощью которого Россия могла сорвать этот стратегический план, — взять инициативу в свои руки и возобновить боевые действия. Другого не было дано. И мне, как военному и военно-морскому министру, надлежало в самые короткие сроки осуществить такую задачу.

Я приступил к исполнению своих новых обязанностей 2 мая и в тот же день встретился с товарищем министра генералом Маниковским, который отвечал в министерстве за технические дела — за военное снабжение и т. д. Я был знаком с ним по работе в Думе. В первые дни после падения монархии ему удалось восстановить порядок среди рабочих, занятых производством оружия и другой военной техники. После консультаций с министром торговли и промышленности Коноваловым Маниковский ввел на заводах и фабриках, находившихся под его контролем, 8-часовой рабочий день.

Коновалов порекомендовал мне прозондировать у Маниковского отношение руководителей военного министерства и Верховного командования к отставке Гучкова. Без упоминания конкретных имен Маниковский подробно рассказал мне о секретной встрече между Гучковым и представителями Верховного командования во главе с генералом Алексеевым, тревожные слухи о которой дошли до правительства. Он сказал, что встреча была проведена по его, Маниковского, инициативе, с тем чтобы обсудить Декларацию прав солдат, проект которой подготовил генерал Поливанов и его преемник генерал Новицкий**.

С самого начала обсуждение в комиссии Поливанова по проекту, первоначально подготовленному Петроградским Советом и опубликованному 9 марта в "Известиях", проходило отнюдь не гладко. Наоборот, представители военного ведомства во главе с Поливановым настойчиво стремились вести политику "непротивления злу" и под разными предложениями пытались лишь отсрочить публикацию декларации. Учитывая это обстоятельство, Маниковский на встрече с генералитетом предложил им вновь рассмотреть такой документ, удалить из него самые неприемлемые положения и немедленно опубликовать. Если это не будет сделано, то проект декларации будет просто похоронен, а руководители военного министерства и вместе с ними и все правительство предстанут в глазах военных как трусы и мошенники. Предложение Маниковского получило довольно резкий отпор: "Публикуйте, если желаете, но для нас он в данном виде неприемлем". На этом встреча была отложена.

Услышав столь драматический отчет, я в полной мере осознал, что злонамеренная отставка Гучкова может стать примером для других и что такую возможность следует немедленно предотвратить.

3 мая состоялось заседание Комиссии по пересмотру законов и установлений, относящихся к прохождению воинской службы (известной как поливановская комиссия). Я пришел на заседание и, обратившись к председателю комиссии Новицкому, немедленно попросил слова. Выступление мое было кратким. Отметив тяжелое положение России, как во-

---

* Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая. № 49. С. 1.

** См. гл. 15.

юющей державы с бездействующим фронтом, я заявил, что растущая деморализация войск — следствие не только германской пропаганды, но и чрезмерной законодательной активности всякого рода комитетов и подкомитетов. Ситуация, сказал я, абсолютно нетерпимая и, если дело пойдет так и дальше, единственно, что нас ждет, — это развал армии и полное поражение от рук врага. Чтобы полностью убедить аудиторию в своей правоте, я рассказал о только что состоявшихся в Стокгольме переговорах между делегацией русских поляков и поляками из оккупированных немцами районов Польши. Известный польский политик А. Ледницкий с горечью поведал мне следующее. Когда "немецкие" поляки обратились к министру иностранных дел Циммерману с просьбой разрешить им поехать в Стокгольм, тот с подчеркнутой вежливостью ответил: "Вы конечно же можете отправиться в Стокгольм и заключать любые соглашения с русскими поляками. Для нас Российское государство как международная сила более не существует". Если бездействие России на фронте и развал боеспособности армии, ее дисциплины будет продолжаться и долее, то немцы, как и наши союзники, утратят к нам всякое уважение и будут полностью игнорировать наши законные интересы в будущем. Наш долг перед Россией, подчеркнул я, не только остановить разложение в армии, но сплотить ее вновь, воссоздать ее как эффективную боевую силу.

В предстоящей мне работе, как в армии, на фронте, так и в тылу, я не мог опираться на людей, не принявших безоглядно революцию как fait accompli* или сомневавшихся в наших возможностях возродить боевой дух армии в новой психологической атмосфере. Внешне такие люди вполне приспособились к новой ситуации, но внутренне они не могли от чистого сердца посвятить себя выполнению таких задач. В качестве ближайших соратников мне нужны были люди с независимыми суждениями, люди, готовые служить делу, а не личности. Мне нужны были люди, которые выстояли при старом режиме перед лицом всех безрассудств и тягот войны и которые полностью осознавали суть происшедшего переворота. Мне нужны были люди, которые верили, что русская армия не погибла, которые были убеждены, что здоровые политические силы на фронте и в тылу в конечном итоге преодолечат влияние деморализующей пропаганды и которые понимали, что комитеты и комиссары на фронте появились не по злому умыслу внешних и внутренних врагов России, а как неизбежный результат краха традиционных отношений между офицерами и солдатами, происшедшего сразу же после краха монархии.

После нескольких дней напряженных переговоров и совещаний, все дела в военном министерстве наконец перешли в руки людей, которые отвечали таким требованиям, — молодых, энергичных, хорошо разбиравшихся в создавшемся в те дни положении. Посты товарищей военного министра заняли генерал-лейтенант Маниковский, а также полковники Генерального штаба Якубович и Туманов. Я отозвал с фронта, где он находился с начала войны, полковника Барановского (моего шурина)** и назначил его начальником своего личного секретариата, в котором был создан специальный отдел, ведающий политическим состоянием вооруженных сил.

Полковник Барановский ежедневно докладывал мне о текущих событиях, следил за назначениями в Ставке и держал меня в курсе событий,

---

* Сверхившийся факт (фр.).

** В тот момент он служил в штабе командующего первым корпусом генерала Лукомского.

которые происходили в Петрограде во время моих частых поездок на фронт. И должен сказать, что я никогда не сожалел о выборе своего ближайшего соратника. Все время нашей работы в военном министерстве мы действовали в полном согласии.

Позднее, 25 мая, я произвел реорганизацию высшего состава военно-морского министерства. Капитан Б. П. Дудоров занял пост первого заместителя министра по стратегическим и политическим вопросам, а капитан Кукель стал вторым заместителем по техническим операциям.

В день, когда был опубликован новый состав Временного правительства, я издал свой первый приказ. Я цитирую его здесь исключительно для подтверждения того факта, что капитуляция перед анархией, содержащаяся в рекомендациях поливановской комиссии стала делом прошлого: "Взяв на себя военную власть государства, объявляю: 1) Отечество в опасности и каждый должен отвлечь ее по крайнему разумению и силе невзирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу; 2) самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок (15 марта); 3) нарушившие этот приказ подвергнуты будут наказанию по всей строгости закона"*.

Все, кто присутствовал на секретной встрече с Гучковым, ознакомившись с этим приказом, неизбежно должны были осознать опасные для себя последствия, в случае если они нарушат его. Приказ должен был успокоить население, встревоженное ростом актов насилия со стороны дезертиров, показать, что против этого зла начата решительная борьба.

На переговорах с новыми министрами-меньшевиками Скобелевым и Церетели, которые одновременно были членами Исполнительного комитета Петроградского Совета, было решено, что в будущем все комиссары в армии будут назначаться и смещаться лишь военным министром, а комиссары, назначенные Исполкомом ранее, перейдут под его юрисдикцию. Мы также вывели из штаба Петроградского военного округа представителей Совета, которые находились в нем в качестве наблюдателей.

Как и Гучков, командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов не смог завоевать доверие солдат и членов Совета. Поэтому я сместил его, назначив на это место молодого офицера, генерала П. А. Половцева, который недавно вернулся с фронта и в момент начала революции работал в военной комиссии Думы. У него с солдатами были вполне дружеские отношения. По просьбе Половцева помощником к нему, в основном по вопросам пропаганды среди солдат, я назначил лейтенанта А. Кузмина, которого знал как человека, преданного родине**.

Предпринимая эти предварительные шаги, я и мои коллеги стремились преодолеть те трудности, которые создал Гучков своим отказом подписать Декларацию прав солдат. Мы не могли полностью аннулировать

---

* Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая. № 49.

** Лейтенант Кузмин принимал участие в русско-японской войне, и когда разгромленные русские части, возвращаясь из Маньчжурии, взбунтовались, а мятежи и акты беззакония распространились вдоль всей Транссибирской железной дороги, Кузмин стал главой так называемой "Красноярской республики". Позднее за это он был судим военно-полевым судом и приговорен к длительному сроку каторжных работ, хотя его причастность к мятежу сводилась лишь к тому, что он воспрепятствовал толпам бунтующих солдат грабить города, за что в результате и был избран президентом "республики".

вать ее, поскольку большая часть ее была включена в приказ Гучкова № 114 от 5 марта об отмене некоторых положений и ограничений, касающихся военнослужащих. Вскоре, однако, мы нашли выход. Ни в коей мере не посягая на личные и политические права, провозглашенные Временным правительством, мы восстановили полномочия командного офицерского состава, без чего армия не могла функционировать.

11 мая я подписал приказ № 8 "О правах военнослужащих". В 14-м его параграфе говорилось о восстановлении права офицеров прибегать к дисциплинарным мерам, включая использование силы в случаях нарушения субординации во время боевых действий на фронте. В добавление к этому согласно параграфу 18, назначение, перемещение и смещение командного офицерского состава было полностью отнесено к юрисдикции высших офицеров*.

К 12 мая чувства здорового патриотизма стали на фронте той определенной силой, в которой отныне могли искать поддержку правительство и Верховное командование. В полках прекратились бесконечные политические митинги, и солдаты, уставшие от долгой праздности, вернулись к выполнению своих повседневных обязанностей. Младшие офицеры стали вновь пользоваться доверием подчиненных, а случаи сопротивления попыткам восстановить дисциплину стали крайне редки. Комитеты на армейском, корпусном и более низких уровнях приобрели организационную оформленность; в них в основном входили люди, выступавшие за возобновление военных действий и весьма успешно занимавшиеся пропагандой среди новобранцев, которых отправили на фронт после минимальной военной подготовки. Сравнительно редки стали акты насилия в отношении офицеров и случаи назначения трусливых выскочек на места компетентных командиров. Прекратилось широко распространившееся в окопах братание с немцами, а явления деморализации, словно зараза охватившей пехоту, остались лишь в недавно созданных "третьих дивизиях". Эти части стали раем для большевистских агитаторов, германских агентов и бывших чинов охраны и полиции, отправленных после революции на фронт. Особенно пышным цветом расцвели пораженческие настроения в тех частях, солдаты которых попали под влияние офицеров-ленинцев, таких, как Крыленко, Дзевалтовский, Семашко, Сиверс и д-р Склянский. И хотя таких частей было совсем немного, к середине мая стало очевидным, что средствами убеждения в них ничего не добиться и остается прибегнуть к силе.

Впервые вооруженные соединения против взбунтовавшихся частей были использованы командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым. На имя главнокомандующего от него поступила телеграмма, в которой говорилось, что в связи с невозможностью закончить в срок комплектование "третьих дивизий" для начинающихся боевых операций бывший главнокомандующий** распорядился о расформировании тех

---

* Ленин прекрасно понял суть этих двух параграфов и обрушился на приказ с яростными нападкамии в газете "Правда" в статье с коварным заголовком "Декларация о бесправии солдат" (в библиографическом указателе статей в газете "Правда" статья В. И. Ленина с таким заголовком не значится. — "Правда" 1912—1914, 1917 гг. Библиографический указатель. М., 1962. — *Прим. ред.*). Другие же, как командующий Западным фронтом генерал Ромейко-Гурко, выразили свое полнейшее неудовольствие. 15 мая этот генерал направил Главнокомандующему и премьер-министру телеграмму, в которой утверждал, что приказ № 8 не дает возможности контролировать положение в армии, и соответственно сообщал о своей отставке. Отставка принята не была, а Главнокомандующему было предписано понизить его в должности до командира дивизии.

** Генерал Алексеев.

из них, которые, по мнению их командиров, неспособны в настоящее время вести боевые действия. Приказ командующего 6-й армией о расформировании полков 163-й дивизии и переброске их на новые позиции не был выполнен тремя полками, которые потребовали сохранить их в составе дивизии.

Для подавления мятежа генерал Щербачев приказал выделить специальное подразделение пехоты и артиллерии. Три полка были окружены, и генерал Бискупский, который командовал этим подразделением, заявил мятежникам, что он откроет огонь, если те не сложат оружия и не подчинятся приказу о расформировании. Сообщение генерала Щербачева завершалось словами: "Все окончилось без кровопролития"*.

В новых условиях, создавшихся на фронте, офицеры часто проявляли нерешительность в использовании дисциплинарных полномочий, которыми они вновь были наделены, а некоторые, назначенные военным министерством комиссары, не торопились настаивать на этом. Когда, например, несколько полков 12-й и 13-й дивизий отказались занять передовые позиции, комиссар Борис Савинков, находившийся при 7-й армии, направил мне срочную телеграмму, в которой спрашивал, что ему следует предпринять. Полковник Якубович, временно исполнявший мои обязанности, пока я находился на фронте, в ответной телеграмме приказал расформировать эти полки, арестовать и отдать под военно-полевой суд офицеров и солдат, виновных в неповиновении. Якубович также приказал немедленно сообщить министру о принятых мерах. Именно в эти дни был принят закон о каторжных работах за дезертирство, отказ от подчинения приказам и открытый мятеж или за подстрекательство к совершению этих преступлений.

Согласно стратегическим планам Ставки, русским армиям надлежало начать наступление не позднее середины июня (по новому стилю).

Наши войска на фронте располагали достаточными ресурсами для ведения ограниченных наступательных действий, поскольку открытие в конце ноября 1916 года прямой железнодорожной линии к незамерзающему порту Мурманска позволило западным союзникам перебросить нам тяжелую артиллерию и другое оружие для осуществления всеобщего наступления против центральных держав.

Мы намеревались начать боевые действия с наступления Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. Боевой дух солдат, их понимание необходимости любой ценой защитить родину было достаточно эффективным противоядием распространяемой среди них германской пропаганде. Они были вполне готовы выполнить свой долг в случае германского наступления.

Однако идея начать первыми боевые действия была принята с меньшей готовностью. Несмотря на значительное укрепление морального состояния армии и авторитета офицеров среди солдат, немало офицеров разных званий были настроены крайне скептически относительно наступления на той стадии войны. Я, однако, был преисполнен веры в то, что личная поездка на фронт и прямые контакты с офицерами и солдатами помогут укрепить боевой дух и ускорить подготовку к сражению.

Поздним вечером 8 мая, проведя инспекцию войск Петроградского гарнизона, я отправился в Гельсингфорс и Свеаборг. Неподалеку от этих двух портов в Финском заливе стоял на якоре наш "большой" флот (дредноуты, линейные корабли и крейсера). Я пробыл там два дня,

---

* Следует отметить, что такая решительность командования получила безоговорочную поддержку в статье, опубликованной в газете "Известия".

побывав на многих митингах и встречах, как публичных, так и частных. На публичных митингах я не раз становился объектом почти неприкрытых нападок большевиков, а на частных встречах мне довелось слышать весьма резкую критику со стороны офицеров, чья жизнь под бдительным оком матросских комитетов превратилась в настоящий кошмар. Однако в большинстве своем как офицеры, так и матросы были настроены дружелюбно. На одном из митингов один крайне левый оратор заявил, что, если потребуется, Балтийский флот выполнит свой долг и закроет врагу дорогу к столице. То были мужественные слова, однако реальная ситуация никак им не соответствовала. Я возвратился в Гельсингфорс с тяжелым чувством, отдавая себе отчет, что в Балтийский флот широко внедрились германские агенты и агенты Ленина.

Вечером 12 мая я отправился на Юго-Западный фронт. В Ставке генерала Брусилова в Каменец-Подольске проходил в то время съезд делегатов со всех участков фронта, и 14 мая я выступил с речью на митинге. Большой зал, где собрались делегаты, был забит до отказа. Со всех сторон на меня смотрели люди с изможденными лицами и лихорадочно горящими глазами. Атмосфера была накалена до предела. Я чувствовал, что передо мной люди, перенесшие тяжелейшее потрясение, от которого они все еще не оправались. Я понимал, что они хотят знать лишь одно — почему они все еще торчат в окопах. Выслушав выступления делегатов, членов комитета армии и самого генерала Брусилова, я ощутил царившее в армии настроение. У меня уже не оставалось сомнений, что армия стоит перед искушением, которому не в силах противиться. После трех лет горьких мучений миллионы измученных войной солдат задавали себе лишь один вопрос: "Почему я должен сегодня умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?"

Этот вопрос парализовал их волю. Находясь под огнем противника, солдаты могут выстоять лишь в том случае, если у них нет сомнений в целях, за которые они сражаются, или, более того, если они безоговорочно верят в необходимость жертвы во имя четко определенной и, на их взгляд, бесспорной идеи.

Ни одна армия не может позволить себе поставить под сомнение цель, ради достижения которой она сражается. Все, что происходило в тот момент в русской армии — нарушение субординации, мятежи, переход целых подразделений на позиции большевизма, бесконечные политические митинги и массовое дезертирство, — явилось естественным результатом чудовищного конфликта в сознании каждого солдата. Люди неожиданно для самих себя нашли возможность оправдать собственную слабость и оказались во власти почти непреодолимого желания бросить оружие и бежать из окопов. Чтобы восстановить у них боевой дух, необходимо было преодолеть их животный страх и разрешить их сомнения простой и ясной истиной: ты должен принести жертву во имя спасения родины. Людям, которые не поняли чувств и настроений солдат в те критические месяцы русской истории или же которые обращались к ним с высокопарными и избитыми патриотическими призывами, не дано было найти путь к их сердцам и оказать на них хоть какое-либо влияние.

Секрет успеха большевистской пропаганды среди рабочих и солдат объяснялся именно тем, что большевики говорили с ними на простом, понятном им языке и играли на глубоко укоренившемся инстинкте самосохранения. Суть большевистской пропаганды можно свести к словам Ленина: "Мы зовем вас к социальной революции. Мы призываем

вас не умирать ради других, а уничтожать других — уничтожать ваших классовых врагов на внутреннем фронте!”*

Я же обратился к солдатам с такими словами: ”Конечно, легко призывать измученных людей бросить оружие и возвратиться домой, где только что началась новая жизнь. Но я зову вас на бой, на героический подвиг — я зову вас не на праздник, а на смерть, я призываю вас пожертвовать жизнью ради спасения Родины!”

И совсем не удивительно, что позднее, после нескольких месяцев тяжелейших боев, люмпен-пролетарии и дезертиры, купившись на обещания неограниченной свободы, пошли в тылу за большевиками по пути убийств и насилия. Удивительно то, что тем летом 1917 года войска продемонстрировали на передовых позициях, хоть и ненадолго, могучую силу патриотизма.

К середине мая германский Генеральный штаб отметил изменение в настроениях солдат на русском фронте и начал постепенную переброску своих войск обратно на восток.

Съезд в Каменец-Подольске завершился бурей оваций в адрес генерала Брусилова. После окончания съезда мы с генералом отправились в инспекционную поездку по частям, которым через месяц предстояло первыми начать наступление. По завершении прохождения войск мы с генералом поднялись на импровизированную трибуну, чтобы обратиться к собравшимся.

Вначале выступили Брусиллов и командиры тех дивизий, которым мы провели смотр, за ними члены местных военных комитетов. Наконец настала и моя очередь. Солдаты еще теснее сгрудились вокруг трибуны, стремясь не пропустить ни одного слова. В том, что я сказал, не было ничего, кроме горькой правды и обращения к их чувству долга перед родиной. Мне трудно описать то впечатление, которое произвели мои слова. Могу лишь сказать, что они затронули сердца моих слушателей и наполнили их новой надеждой.

На многих таких митингах толпы возбужденных солдат окружали нас таким плотным кольцом, что мы с трудом выбирались к автомашинам, чтобы ехать дальше, на место новой встречи.

Иногда солдаты выталкивали вперед какого-нибудь прятавшегося в толпе большевистского агитатора и заставляли повторять его свои доводы — в тот период открытая кампания против меня еще не была организована в полной мере.

Конечно, перемены в настроении солдат после моих встреч с ними, как правило, были весьма недолговечны**, однако в тех частях, где командиры, комиссары и члены военных комитетов смогли осознать психологическую важность моих слов, моральный дух значительно укрепился и восстановилось доверие солдат к офицерам.

Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, мы с Брусилловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный

---

* В данном случае искажена мысль Ленина. В статье ”Благодарность князю Г. Е. Львову” говорится, что ”князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что ”победа” над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 19). — *Прим. ред.*

** Офицеры, враждебно настроенные к Февральской революции, дали мне ироническое прозвище ”главноуговаривающий”, и оно, как ни странно, не звучало для меня оскорбительно.

характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознавших свою ответственность за судьбу страны. Я поделился теми трудностями, с которыми столкнулось правительство в своих отношениях с левыми политическими кругами. Брусилов же рассказал о том огромном уроне, который нанесла армии изжившая себя бюрократическая система управления, об оторванности многих высших офицеров от реальной жизни.

Естественно, Брусилов, человек в высшей степени амбициозный, излагая свои планы или упоминая какие-то детали, касающиеся других генералов, был весьма осторожен, старался не высказывать взглядов, слишком уж отличавшихся от моих. Однако по главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали и мы оба полностью отвергали господствовавшую в верхних эшелонах власти идею, что "русской армии больше не существует". Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости проявить наконец мужество и взять на себя риск.

В ту поездку в Тарнополь мы успели обговорить много важных вопросов, связанных с предстоящим наступлением, и я тогда же решил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать от Алексеева Брусилову. Однако я даже не намекнул ему об этом моем решении, поскольку не был уверен, согласится ли с ним князь Львов.

Из Тарнополя я отправился в Одессу, которая в то время была тыловой базой фронта. Там я встретился с генералом Щербачевым, который только что прибыл из Ясс, и представителями комитета Румынского фронта. После обсуждения положения дел с Щербачевым у меня сложилось впечатление, что фронт находится в надежных руках и что, несмотря на трудности с транспортом и снабжением, русские и румынские войска могут вести боевые операции. Беседа с делегацией фронтового комитета лишь укрепила такое впечатление. Я не смог побывать на самом фронте, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия адмирала с Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном.

Адмирал Колчак был одним из самых компетентных адмиралов российского флота и пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди матросов. Незадолго до революции он был переведен с Балтики и назначен на пост командующего Черноморским флотом. В первые же недели после падения монархии он установил отличные отношения с экипажами кораблей и даже сыграл положительную роль в создании Центрального комитета флота. Он быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского.

Матросы Черноморского флота были настроены весьма патриотически и горели желанием вступить в схватку с противником, и когда я прибыл в Севастополь, офицеры и матросы только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт была даже направлена делегация матросов с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга. Казалось, в таких условиях конфликт между адмиралом и Центральным комитетом был маловероятен. Тем не менее он возник.

Центральный комитет издал приказ об аресте помощника начальника порта генерала Петрова за отказ выполнять распоряжения Центра-

льного комитета, на которых не было подписи командующего флотом. Это было серьезным нарушением дисциплины, однако 12 мая Колчак передал князю Львову прошение об отставке, сославшись на то, что не может более мириться с создавшимся положением. Сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо, и князь Львов попросил меня отправиться в Севастополь и постараться уладить конфликт.

В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся продолжительный разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов воскликнул со слезами на глазах: "Для них* Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу более иметь с ними дела! Я более не люблю их!.." Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?

На следующий день после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и комитетом был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не были такими, как прежде, и спустя ровно три недели возник новый острый конфликт. На этот раз адмирал Колчак в тот же вечер, даже не сообщив о своем решении правительству, сел вместе с начальником своего штаба в прямой поезд на Петроград, навсегда распрощавшись с флотом.

После трудных переговоров в Севастополе я отправился в Киев, поскольку отношения с украинской Радой становились все более напряженными. Рада начала кампанию по созданию независимой украинской армии, и хотя большую автономность самой Рады и можно было допустить, сейчас это полностью исключалось в связи с предстоящим наступлением.

Из Киева я направился к Алексееву в Могилев. Я намеревался сообщить ему о результатах своей поездки на фронт, а также проверить, насколько справедливо было мое решение назначить на его место Брусилова. Поначалу в ходе нашей беседы Алексей не проявил к моему сообщению ни малейшего интереса, а потом стал излагать свой пессимистический анализ ситуации на фронте.

После этого я возвратился в Петроград, где провел переговоры с князем Львовым и министром иностранных дел Терещенко. Позднее, на заседании кабинета, я внес предложение назначить Брусилова на пост главнокомандующего. Предложение было принято, и генерал Алексей получил специально созданный для него пост военного советника при Временном правительстве.

Проведя в столице два или три дня, я выехал на Северный фронт, прибыв в Ригу утром 25 мая. Этот крупный промышленный порт, где проживали русские, немцы и латыши, оказался после "великого отступления" 1915 года в опасной близости от линии фронта и большая часть его промышленных предприятий и научных учреждений была эвакуирована. В старинной крепости, где в мирное время располагалась городская администрация, теперь размещался штаб командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева**.

---

* То есть матросов.

** Этот энергичный солдат, приведший болгар к победе в Первую Балканскую войну 1912 года, покинул болгарскую армию и уехал в Россию, когда болгарский царь Фердинанд перешел на австро-германскую сторону и выступил против своих недавних союзников — сербов и греков. Как мы знаем, Вторая Балканская война закончилась полной военной и политической катастрофой для Болгарии.

На станции меня встретили генерал, весь его штаб, большая толпа солдат, прибывших с фронта, и тысячи местных жителей. Я довольно часто бывал в Риге в первые годы после "умиротворения" латышских крестьян в ходе аграрного движения 1905 года и потому хорошо знал город. Я выразил желание пройтись по бульвару от здания гостиницы, где я обычно останавливался, когда приезжал в Ригу по судебным делам, до крепости Шлосс, где раньше заседал военный трибунал, самый суровый трибунал, с которым мне приходилось иметь дело в те трудные годы. Генерал охотно согласился сопровождать меня, и мы отправились к крепости во главе счастливой, ликующей толпы.

После совещания в Ставке с начальником штаба мы выехали к линии фронта. Время от времени то на одной стороне, то на другой раздавались одиночные выстрелы, но генерал не обращал на них ни малейшего внимания. На обратном пути из этой инспекционной поездки он предложил заехать в расположение одного из полков, где недавно объявился большевистский агитатор; совладать с ним было крайне затруднительно и в каком-то смысле он полностью подчинил себе весь полк.

Выбрав место, куда не долетали вражеские пули, генерал распорядился собрать всех свободных солдат и у нас с ними состоялся очень и очень сердечный разговор. Меня буквально засыпали вопросами, некоторые из которых были весьма резкими. Обращал на себя внимание тщедушный низенький парень, который во время разговора не проронил ни слова, чем немало удивлял и раздражал своих товарищей. Солдаты все время подталкивали его, пытаясь втянуть в разговор. Генерал шепнул мне на ухо, что это и есть тот самый большевистский агитатор. В конце концов он заговорил нервным, визгливым голосом: "А я вот что скажу. Вы нас убеждаете, что мы должны воевать с немцами, чтобы крестьяне могли занять землю. Но какой крестьянам смысл ее получать, ведь если меня убьют, я же земли не получу?"

Для меня стало ясно, что никакой это не большевистский агитатор, а просто-напросто деревенский парень, который говорит вслух то, что думают его товарищи. В том-то и заключалась его сила, и никакими логичными аргументами его было не переубедить. Еще не зная толком, что предпринять, я направился к пареньку, который стоял, дрожа с ног до головы. Остановившись в нескольких шагах от него, я полуобернулся к генералу и сказал: "Немедленно отошлите этого парня обратно в деревню. Пусть его односельчане знают, что русской армии трусы не нужны". И тут совершенно неожиданно трясущийся солдат переменялся в лице, покрывшись смертельной бледностью. Несколько дней позже от полкового командира пришла просьба отменить мой приказ, поскольку тот солдат изменился до неузнаваемости, став образцом дисциплинированности.

Из расположения 12-й армии я отправился в Двинск, где находилась ставка командира 5-й армии Юрия Данилова*. Данилов одним из первых среди командиров высшего ранга осознал изменения в настроениях на фронте и быстро установил хорошие рабочие отношения и с комиссарами, и с армейскими комитетами. Армейский комитет был сформирован тут еще в начале апреля и первым направил в Петроград делегацию, чтобы убедить рабочих в тылу положить конец анархии и возобновить нормальную помощь фронту.

---

* В течение первых 18 месяцев войны он состоял генерал-квартирмейстером при штабе Великого князя Николая Николаевича и был там единственным компетентным стратегом.

У меня не было времени побывать у солдат в окопах, однако перед тем как отправиться в Москву, я выступил в Двинске с речью перед представителями комитетов всех воинских подразделений. Вернувшись в Москву, я принимал на Девичьем поле, как было условлено заранее, парад войск Московского гарнизона, встретился с кадетами Александровской военной школы, выступил на нескольких многолюдных митингах и присутствовал на съезде партии социалистов-революционеров.

Влияние Москвы на политические настроения в стране было весьма сильным, и потому правительство считало своим долгом заручиться ее поддержкой в отношении наших планов возобновления наступательных операций на фронте. Именно для этого Львов и попросил меня съездить в Москву. Однако долго оставаться в Москве я не мог, поскольку мне вскоре предстояла поездка на Юго-Западный фронт, а до тех пор надо было вернуться в Петроград, чтобы успеть к открытию Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

1 июня после трехнедельного отсутствия я вернулся в Петроград. Съезд открылся через два дня. На нем присутствовало 822 полномочных делегата, из которых лишь 105 представляли большевиков.

Настроения большинства делегатов проявились в инциденте, имевшем место вскоре после открытия заседания. Рассчитывая, видимо, вызвать недовольство собравшихся правительством и его военной политикой, один из большевистских делегатов стал зачитывать обращение к населению князя Львова, в котором он призывал всеми возможными силами противостоять большевистской и анархической пропаганде. Совершенно неожиданно для оратора каждая фраза обращения тонула в буре аплодисментов. Когда же он, нимало не смутившись, перешел к чтению моего приказа № 17 об отношении к дезертирам (приказ был только что опубликован), аплодисменты переросли в подлинные овации. В этот момент нетрудно было опознать в зале и в президиуме тех, кто занял "нейтральную" позицию.

Учитывая такую демонстрацию, я полагал, что резолюция в поддержку правительства будет принята с самого начала подавляющим большинством голосов. Но этого не произошло, и не произошло по двум причинам. Во-первых, стало известно, что на самом деле в зале присутствовало более 200 делегатов, которые были против возобновления боевых действий, так как две другие группы — меньшевики-интернационалисты и левое крыло от партии социалистов-революционеров — примкнули к большевикам. А обе эти группы пользовались на съезде огромным влиянием среди делегатов из числа интеллигентов.

Во-вторых, нормальной работе съезда помешали попытки большевиков, действовавших по указке Ленина, саботировать планы наступления, устроив вооруженную демонстрацию "возмущенных" солдат и рабочих, выкрикивавших лозунги: "Вся власть Советам!" и "Долой десять министров-капиталистов!"*

На несколько дней военные вопросы отошли у нас на второй план, и руководители съезда посвятили все свои силы и время, чтобы сорвать заговор Ленина. И лишь когда непосредственную угрозу удалось отворотить, была в конце концов принята резолюция (12 июня). Однако не желая, видимо, противопоставлять себя левой оппозиции в собственных рядах, блок меньшевиков и эсеров предложил принять весьма двусмысленную резолюцию, в которой не было прямого одобрения предстоящего наступления. Вместо этого в ней просто констатировалось, что вооруженные силы России должны быть готовы вести как оборонитель-

---

* См. гл. 18.

ные, так и наступательные действия, при этом последние могут быть предприняты лишь в рамках стратегической необходимости.

Вечером 13 июня, после принятия этой абсолютно бесполезной резолюции, я выехал в Могилев в Ставку Верховного главнокомандующего. Здесь была окончательно установлена дата начала наступления — 18 июня. Наступлению должна была предшествовать двухдневная артиллерийская подготовка — обстрел позиций противника из тяжелых орудий в месте планируемого прорыва.

16 июня я прибыл в Тарнополь, где был отдан официальный приказ о наступлении по армии и флоту. Он был подготовлен в Ставке после консультаций с Брусиловым и подписан мной*.

После непродолжительного пребывания в Тарнополе я отправился поездом вместе с генералом Гутором, новым командующим Юго-Западного фронта, в расположение передовых позиций 7-й армии. Этой армии, совместно с 11-й, предстояло начать продвижение в направлении Бережаны.

Весь день 17 июня я провел, объезжая полки, которые готовились на рассвете следующего дня начать наступление.

Утром 18 июня над всей линией фронта воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Такую атмосферу можно ощущать в российских деревнях в канун пасхальной Всенощной. Мы поднялись на наблюдательный пункт, расположенный на одном из холмов, идущих вдоль нашей передовой линии. Воздух сотрясался от залпов тяжелых орудий, над головами с пронзительным воем проносились снаряды.

С наблюдательного пункта 7-й армии поле битвы казалось огромной пустой шахматной доской. Артобстрел продолжался. Мы все время глядели на часы. Напряжение стало невыносимым.

Вдруг наступила мертвая тишина: настал час наступления. На мгновение нас охватил дикий страх: а вдруг солдаты не захотят пойти в бой? И тут мы увидели первые линии пехотинцев, с винтовками наперевес атаковавших первую линию немецких окопов.

Первые два дня наступление развивалось крайне успешно. Мы взяли в плен несколько тысяч солдат и захватили десятки полевых орудий. На третий день продвижение застопорилось. Донесение командира 11-й армии генерала Эрдели дает достаточно точное представление о том, что случилось: "...несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла продолжать далее наступление". К ссылкам на пораженческие настроения солдат генерал мог бы с полным правом добавить нескрываемое удовлетворение офицеров в ряде полков по поводу того, что наступление выдохлось.

Но, быть может, главная причина провала наступления заключалась в том, что если в период блистательного наступления генерала Брусилова в 1916 году ему противостояли австрийские полки, многие из которых были укомплектованы военными славян, мечтавших сдать русским в плен, то в 1917 году перед русской армией стояли отборные германские части, поддержанные мощной артиллерией.

---

* На третий день наступления, 20 июня, съезд Советов призвал народ России приложить все усилия, чтобы обеспечить успех этой операции, поскольку это принесет мир и упрочит новый демократический строй.

Первые два дня наступления выявили также много трудностей технического и психологического характера, которые мы пытались преодолеть в возможно кратчайшие сроки. 20 июня я отправил Терещенко секретную телеграмму следующего содержания:

”Укажите соответственно послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35% не выдержали двухдневной умеренной стрельбы. Настойте на внеочередной присылке авиационных аппаратов, материальной части на смену убывшей. Добейтесь отозвания с фронта Нокса, продолжающего фрондировать. Ускорьте созыв союзной конференции. Крайне необходимо ускорение темпа и работ союзнической дипломатии. Напряжение фронта нужно использовать всемерно, ввиду известного всем положения стран и армии. Помните, что каждый шаг фронта дается нам с огромным трудом. Только комбинированными и современными действиями дипломатии с армией мы закрепим положение и избежим срыва. — Телеграфируйте положение. Привет Керенский”*

Британский военный атташе полковник Нокс, который в то время совершал поездку по Юго-Западному фронту, всюду, куда он приезжал, шумно критиковал русскую армию и открыто выражал неприязнь к новому строю. Постепенно он оказался в центре оппозиционного офицерства. 22 июня я получил ответ от Терещенко. В нем говорилось, что английским и французским дипломатам было указано на дефекты артиллерии, и они сразу же направили своим правительствам соответствующие депеши. Ноксу же было предписано возвратиться в Петроград в начале следующей недели и подчеркивалось, что только активность на фронте может укрепить позиции России.

Через несколько дней мы получили от союзнических правительств уведомление о согласии провести конференцию о пересмотре целей войны.

Полковник Нокс выехал в Петроград, а затем отправился в Лондон. Согласие союзников провести конференцию о целях войны положило конец распространявшейся на фронте и в левых кругах пропаганде, будто мы с Брусиловым ведем войну ради достижения ”империалистических и захватнических целей”.

В канун начала боевых действий на левом фланге Юго-Западного фронта я находился в расположении 8-й армии, которой командовал генерал Корнилов. В ставке меня встретили более чем прохладно, зато на передовых позициях меня приветствовали с таким воодушевлением и теплотой, что душа моя преисполнилась благодарностью и верой.

23 июня 8-я армия перешла в наступление. Прорвав австрийский фронт, русские части проникли глубоко в расположение противника, захватили 28 июня старинный город Халиш и продвинулись в направлении Калуша. Вся Россия с ликованием следила за наступлением. Выдающийся успех операции объяснялся главным образом тем фактом, что силы противника на этом участке состояли в основном из славян. Вскоре, однако, в ходе операции произошел резкий поворот. В район расположения австрийских частей были спешно переброшены германские подкрепления вместе с тяжелой артиллерией. К 5 июля немецкие ударные бригады под командованием генерала фон Ботмера были готовы перейти в контр наступление.

---

* Собрание секретных документов министерства иностранных дел. Петроград. Декабрь 1917. Кн. 3. № 144. С. 113.

Боевые действия на фронте, где находились части под командованием генерала Деникина, должны были начаться в первых числах июля; планировалось, что я прибуду туда к их началу. С генералом Брусиловым я не виделся с 15 июня, а потому возвратился в Ставку главнокомандующего, чтобы сообщить ему о положении на Юго-Западном фронте. Кроме того, мне хотелось получить из первых рук информацию о событиях на фронтах союзнических армий.

Кажется, на второй день моего пребывания в Ставке Брусилов сообщил, что несколько членов солдатского комитета попросили о встрече с ним, с начальником его штаба (Лукомским) и со мной. На этой встрече представитель группы, выступая от ее имени, сказал, что он и его товарищи крайне обеспокоены враждебностью к нам троим со стороны членов Центрального комитета всероссийского Союза офицеров армии и флота. Брусилов и Лукомский, весьма удивленные, сказали, что до сих пор не замечали никаких признаков враждебности, но если это так, то они конечно же примут решительные меры. Члены комитета, пребывая в весьма нервном состоянии, постарались убедить нас в том, что сообщенные ими факты проверены и достоверны. Спустя некоторое время они удалились, несколько успокоенные обещанием генерала. Мне и в голову не могло прийти, что за их сообщением стоит нечто более серьезное, нежели некоторое недоверие, все еще сохранившееся у части офицеров после революции. К сожалению, мы вскоре убедились в обоснованности сделанного нам предупреждения.

28 июня я отбыл в Молодечно. Деникин был одним из самых способных офицеров Генерального штаба. В молодости он написал несколько весьма резких статей в армейской газете о старой военной бюрократии и сразу же после начала войны зарекомендовал себя как первоклассный боевой офицер, быстро продвинувшись по служебной лестнице до командира корпуса в чине генерал-лейтенанта. При Алексееве он занимал пост начальника его штаба. Отношение его ко мне было несколько противоречивым. С одной стороны, накануне наступления он нуждался в моей помощи в качестве посредника между ним и солдатами; с другой стороны, он испытывал неприязнь ко мне как к личности, и к моей политике, как военного министра и члена Временного правительства.

Я, однако, не питал к нему никаких враждебных чувств, как, впрочем, и к другим командирам. Но теперь этот хулитель и критик старых армейских порядков, не признаваясь себе в этом, принялся вовсю идеализировать прошлое. На первом же митинге, на котором мы вместе выступали, меня поразил грубый тон его обращения с солдатами, его же шокировали некоторые из моих высказываний и моя "истерия".

Едва начав поездку, я был вынужден почти сразу же прервать ее. Князь Львов попросил меня без промедления отправиться в Киев и урегулировать проблему украинской армии. В то самое время Терещенко и Церетели вели там весьма хитроумные переговоры с Радой, которая выдвигала немыслимые требования.

Из Киева я предполагал возвратиться в Петроград, чтобы доложить кабинету о соглашении с украинцами.

3 июля, как было условлено, я снова прибыл на Западный фронт к самому началу наступления. Однако атмосфера к тому времени изменилась до неузнаваемости; события развивались с захватывающей дух быстротой.

ДВОЙНОЕ КОНТРАСТУПЛЕНИЕ

1 июля Терещенко, Церетели и я возвратились в Петроград. Текст соглашения с украинской Центральной Радой был ранее передан по телеграфу князю Львову, который сообщил его содержание остальным министрам. Вечером того же дня на заседании правительства соглашение было ратифицировано большинством голосов, после чего министры от кадетской партии объявили о своем немедленном выходе из кабинета. Политические круги Петрограда охватило возмущение, а мы оказались в состоянии нового правительственного кризиса.

На следующий день министры после длительных неофициальных переговоров в кабинете Львова договорились отложить решение вопроса о новых назначениях в правительстве. Это позволило мне выполнить обещание, которое я дал генералу Деникину, и немедленно отправиться на Западный фронт. Я выехал из Петрограда вечером 2 июля и прибыл на место следующим утром.

Первым делом я отправился в инспекционную поездку, которая несколько отвлекла меня от мыслей о тягостном положении в Петрограде. Поездка на фронт была словно возвращением домой. Тут людям не до церемоний и сложностей. У них одна-единственная, предельно простая цель — выжить, их сознание целиком занято проблемой жизни и смерти и перед лицом общей опасности они ощущают особую близость друг к другу.

Ранним утром 4 июля мы получили первое официальное сообщение о вооруженном восстании рабочих и солдат в Петрограде, организованном Лениным, которое получило в истории название "восстание 3 июля"*.

Новость эта не очень меня беспокоила — я полагал, что в столице достаточно надежных войск, и приступил к объезду дивизий, которым первым предстояло 9 июля вступить в дело. То, что я увидел, произвело на меня куда более благоприятное впечатление, чем на Деникина.

Проходя опушкой леса вдоль линий траншей, я увидел, как несколько солдат, собравшись в кучку, читают под деревом какую-то брошюру. Завидев нас, они бросили ее под деревом и скрылись в лесу. "Принесите мне ее", — попросил я одного из своих помощников. Быстро проглядев брошюру, я передал ее офицерам. Это был последний выпуск "Товарища", подрывного еженедельника, который немцы издавали для русских

---

* По сути, восстание началось вечером 2 июля. (Что произошло в Петрограде, я узнал лишь по возвращении туда 5 июля.) В тот вечер на улицах столицы совершенно неожиданно появились грузовики с вооруженными солдатами и матросами. На флаге, развевавшемся над одним из грузовиков, были начертаны слова: "Первая пуля — Керенскому!" Эти вооруженные люди намеревались схватить меня в здании министерства внутренних дел, где я заседал вместе с другими министрами. Один из привратников сказал вооруженным бандитам, что я недавно уехал на железнодорожный вокзал в Царское Село. Солдаты и матросы кинулись вслед. И, как мне позднее рассказывали железнодорожники, мои преследователи, примчавшись на вокзал, увидели хвост уходящего поезда.

солдат в Вильне. В статье, озаглавленной "Россия и наступление", датированной 3 июля, ее автор, ссылаясь на Петроградское телеграфное агентство, с удивительным провидчеством писал: "Согласно сообщениям, полученным из России, наступление в Галиции вызвало бурю возмущения русского народа. Во всех крупных городах собираются толпы людей, протестующих против массовых убийств сынов России. Нарастает волна гнева против англичан, на которых все возлагают вину за продолжение ужасной войны. Керенского открыто называют предателем родины. Для разгона массовых демонстраций и расправы с их участниками в Москву направлены отряды казаков. Это не может более продолжаться. По сообщению "Русского слова", положение в Петрограде, объявленное осадным, резко ухудшилось. За последние несколько недель было арестовано много крайне левых социалистов. Газета также сообщает, что некоторые руководители крайне левых вынуждены были покинуть Петроград и искать убежища в глубокой провинции".

Без всякого сомнения, редактор "Товарища" загодя знал о большевистском восстании 3 июля. По сути дела, он старался внедрить в умы солдат на передовой линии те же самые идеи, которые ленинские пропагандисты вбивали во время восстания в головы петроградских солдат и кронштадтских матросов. Требуя свержения Временного правительства и призывая к неподчинению военным приказам, немцы и большевики выступали заодно. И те и другие утверждали, что Керенский и офицеры предприняли наступление в Галиции по наущению иностранных капиталистов. Единственно, что было опущено в том выпуске "Товарища", это большевистский лозунг "Вся власть Советам", ибо немецких союзников Ленина мало волновал вопрос, какого рода режим предлагают установить большевики. У немцев была своя задача: парализовать русскую армию на фронте, развалить административный аппарат в стране, с тем чтобы установить свой полный контроль над Россией, а затем разгромить союзников на западе. Согласно данным нашей разведки, немцы начали спешно перебрасывать свои дивизии на Восточный фронт. Картина была предельно ясна: готовилось двойное контр наступление. Оно и началось 3 июля ударом Ленина в спину революции и теперь нам следовало ожидать фронтального наступления со стороны Людендорфа.

Вечером 4 июля я получил сообщение о появлении в Петрограде большого отряда кронштадтских матросов с настоятельной просьбой князя Львова о немедленном возвращении в столицу. Пообещав генералу Деникину, крайне расстроенному моим внезапным отъездом, вернуться к началу наступления 9 июля, я на следующий день отправился поездом в Петроград. На последней перед Петроградом станции ко мне присоединился Терещенко, который ввел меня в курс последних событий и предупредил, что князь Львов принял окончательное решение о выходе из Временного правительства. В Петрограде на станции в Царском Селе нас встретили полковник Якубович, командующий Петроградским военным округом генерал Половцев и почетный караул из состава Преображенского полка. Платформа и привокзальная площадь были заполнены толпой людей самого разного возраста и разных сословий, пришедших приветствовать меня.

С таким же энтузиазмом меня встретила толпа и на площади перед Зимним дворцом, когда я подъехал к штабу Петроградского военного округа, где после начала восстания разместилось правительство.

Не теряя времени и даже не обратившись с приветствием к собравшимся, я сразу же направился в кабинет князя Львова. Однако возбужденная толпа не желала расходиться, требуя моего появления. Мне пришлось несколько раз выходить на балкон и обращаться к собрав-

шимся внизу людям с краткими речами, в которых я заверял их, что предательское восстание уже подавлено и у них нет больше оснований для беспокойства.

Те двадцать четыре часа, которые я провел тогда в Петрограде, и особенно бессонная ночь 7 июля, никогда не изгладятся из моей памяти. Я застал князя Львова в состоянии ужасной депрессии. Он лишь ожидал моего приезда, чтобы выйти из правительства. В тот самый день я занял пост министра-президента. И в тот же день поздно вечером из Ставки поступило первое краткое сообщение о том, что немцы прорвали фронт 11-й армии в районе Калуша и что мы беспорядочно отступаем.

Во второй половине дня 8 июля я, как и обещал генералу Деникину, возвратился на фронт. Он и его штаб уже знали о германском наступлении в Галиции, однако солдаты на передовой линии еще об этом не прослышали. Во всяком случае, объезжая расположения полков, которым на завтра предстояло вступить в бой, я убедился в том, что у солдат прекрасное настроение.

Поздним вечером того же дня в низине за первой линией окопов я беседовал с группой солдат и офицеров. Большинство из них были из 2-й Кавказской гренадерской дивизии, на которую сильное воздействие оказала большевистская пропаганда.

Становилось все темнее. Началась артподготовка. Над головой пролетали снаряды. Все это, вместе взятое, создавало атмосферу близости и товарищества. Казалось, все мы — и я, и офицеры, и солдаты — охвачены общим стремлением, общим желанием исполнить свой долг.

Солдаты 2-й Кавказской гренадерской дивизии с гордостью рассказали, что покончили со всеми предателями в своих рядах, и теперь готовы первыми броситься в атаку, что они позднее и сделали. Ни разу за все время пребывания на фронте не было у меня столь сильного желания, как тогда, провести всю ночь в окопах с солдатами, а наутро пойти с ними в бой. И никогда прежде не испытывал я такого стыда, что не делаю того, к чему призываю их. Уверен, что всем людям, облеченным особой ответственностью, довелось пережить в жизни минуты горького презрения к самим себе, но у меня, как и у других, не было выбора: сражению предстояло начаться на следующий день, а мне ничего не оставалось, как возвратиться в Петроград, чтобы принять из рук Львова бремя власти, которое он после восстания 3 июля уже не был способен нести.

На следующий день, когда войска генерала Деникина пошли на штурм германских позиций, они показали себя с самой лучшей стороны. Вот что писал об этом наступлении генерал Людендорф:

”Наиболее яростным атакам 9 июля и в последующие дни подверглись войска командующего Восточным фронтом в районе Крево, к югу от Сморгона. Здесь русские прорвали растянувшуюся на большом протяжении линию обороны одной из пехотных дивизий, несмотря на проявленное ею мужество. В течение нескольких дней положение казалось крайне серьезным, пока его не восстановили введенные в бой резервы и артиллерия. Русские ушли из наших окопов. Это уже были совсем не те солдаты, с которыми мы сражались раньше”.

Если бы генерал Деникин не поддался пессимизму и не бросил 10 июля фронт, вернувшись в свой штаб в Минске, быть может, те несколько дней, когда ”положение казалось крайне серьезным”, не пришли бы к такому неожиданному концу.

Не было ничего постыдного в том, что русские солдаты, среди которых было немало не нюхавших ранее пороху новобранцев, не

смогли удержать свои позиции и отразить натиск германских дивизий, путивших в ход отравляющие вещества и тяжелую артиллерию. В конце концов, потерпели же весной того же года сокрушительное поражение, от которого не могли оправиться все лето, первоклассные французские и английские армии, не испытавшие шока революции. Однако французские и английские генералы не вели себя так, как русские, которые использовали поражение на фронте в своих личных политических интересах, зачастую намеренно изображая поведение своих солдат в искаженном свете. Инцидент, о котором пойдет речь, характерный пример такого предательства.

В начале июля ударные части германской армии под командованием генерала фон Ботмера завершили подготовку к наступлению на Юго-Западном фронте против нашей 11-й армии в районе между Зборовом и рекой Серет. В подкрепление дислоцированным там немецким и австрийским войскам с Западного фронта было переброшено шесть отборных германских дивизий и большое количество тяжелой артиллерии.

На рассвете 6 июля генерал фон Ботмер предпринял мощную атаку и прорвал русский фронт. Правительство узнало об этом поздним вечером того же дня из поступившего краткого донесения, за которым последовало официальное коммюнике ставки Юго-Западного фронта, опубликованное во всех газетах 8 июля. Оно произвело впечатление разорвавшейся бомбы и потрясло всю страну. В коммюнике говорилось:

”В 10 часов утра 607 Млыновский полк, находившийся на участке Баткув—Манаюв, самовольно оставил окопы и отошел назад, следствием чего явился отход и соседей, что дало возможность противнику развить свой успех. Наша неудача объясняется в значительной степени тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ о поддержании атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ, причем некоторые полки отказывались от выполнения боевого поручения и уходили с позиций, без всякого давления со стороны противника. Усилия начальников и комитетов побудить к исполнению приказов были бесплодны”*.

На самом же деле все было совсем не так. Как показало расследование, проведенное по приказу главнокомандующего генерала Брусилова, дивизия была буквально сметена с лица земли огнем нескольких сотен артиллерийских орудий противника (в русской дивизии их было всего лишь шесть) и ее потери составили 95 офицеров, включая двух полковых командиров, и около двух тысяч солдат из уже неполного состава дивизии. Остается предположить, что офицер, написавший коммюнике, действовал либо по злему умыслу, либо в состоянии полной паники. Из этого коммюнике генерал фон Ботмер вполне мог представить себе, что дисциплина в русской армии находится даже в худшем состоянии, чем это было в действительности.

Я мог бы привести и другие примеры, когда такие недобросовестные сообщения с полей сражений оказывали услугу противнику. По странному совпадению, официальные сообщения с фронта всегда подчеркивали храбрость офицеров и никогда не упоминали об отваге и самоотверженности рядовых солдат, сообщая лишь об их дисциплинарных проступках.

За долгие годы, прошедшие со времени поражения русской революционной армии, я не раз задавался вопросом, как бы повела себя 11-я

---

* Русское слово. 1917. 8 июля. — Прим. ред.

армия под огнем артиллерии фон Ботмера, если бы первые сообщения о наступлении противника были правдивыми. Одним из самых серьезных последствий таких недобросовестных сообщений было то, что они еще больше подрывали дисциплину. Солдатам вовсе не надо было дожидаться результатов расследования по делу Млыновского полка, они и без того знали о возведенной на него клевете и к недоверию, которое они испытывали к офицерам, стало примешиваться чувство мести. Верховное командование, стремясь возродить старые порядки, пыталось переложить на них ответственность за свои ошибки. Справедливы ли были подозрения солдат, теперь уже не имеет никакого значения. Но то, что официальные сообщения о положении на фронте облегчали жизнь противнику, но отнюдь не нашим войскам, имело огромное значение в их поражении.

Такую же и даже худшую роль взяла на себя часть русской прессы, особенно "Русское слово" (популярная в Москве газета с тиражом свыше миллиона экземпляров), которая стала публиковать сообщения с фронта, представлявшие огромный интерес для германского Верховного командования. Восстановление военной цензуры на все публикации прессы не разрешило, к несчастью, проблему утечки этой информации. Военному корреспонденту "Русского слова" были запрещены поездки на фронт, но невозможно было запретить деятельность всех тех штабных офицеров, в чью обязанность входило составление официальных сводок.

Когда годы спустя я прочитал все то, что написали Гинденбург, Людендорф и Гофман в своих мемуарах о русской армии в 1917 году, и сравнил их оценки с оценками наших русских генералов, то, к своему удивлению, пришел к выводу, что германские генералы дали гораздо более взвешенную и более благоприятную картину нашего тогдашнего военного положения, чем это сделали наши собственные.

Объяснение этому парадоксу крайне простое: немцы ни на минуту не забывали, что ведут войну на два фронта, и рассматривали военные операции в России в рамках единого стратегического плана, охватывающего оба фронта, тогда как русские, видимо, забыв, что в 1917 году русская армия выполняла лишь часть общего плана всех союзных стран, решили использовать психологические последствия тяжелейших тактических ошибок русской армии в своей политической кампании против ненавистного им Временного правительства.

Позволю себе еще раз напомнить читателю, что после сокрушительного поражения французской и английской армий на Западном фронте весной 1917 года русское правительство и Верховное командование (генералы Алексеев и Деникин) взяли на вооружение единственно возможную стратегию, которая могла спасти союзников, а следовательно, и Россию, — предпринять наступление силами русской армии, с тем чтобы предотвратить разгром союзников на Западном фронте. Эта благородная стратегия вызвать огонь Германии на себя скрупулезно осуществлялась русской стороной. Перед падением монархии, к концу Брусиловского наступления в октябре 1916 года, на русском фронте было сконцентрировано около 74 германских дивизий. К августу 1917 года там находилось 86 германских дивизий с приданной им тяжелой артиллерией*.

И лишь после мертворожденного заговора Корнилова**, когда Россия и фронт снова, как и в марте 1917 года, были брошены в пучину

* См.: *Buat E. A. L. L'Armée allemande de 1914—1918. Paris, 1920. Pp. 42, 51.*

** См. гл. 21.

беспорядков, немцы смогли перебросить на запад значительное число своих дивизий. К январю 1918 года на русском фронте осталось лишь 57 немецких дивизий, а к осени 1918 — только 26. Однако такая переброска солдат и техники на запад была проведена слишком поздно, чтобы принести Германии стратегические выгоды, ибо даже наше "умеренное продвижение", по выражению Гинденбурга, не дало возможности Людендорфу нанести решающий удар на западе до прибытия туда американских войск.

К концу июля 1917 года немцы приступили к переброске своих войск с Румынского и Юго-Западного фронтов в район Риги, где полным ходом шла подготовка к наступлению. На этой стадии боевые действия, как на тех двух фронтах, так и на всем Западном фронте, полностью прекратились. Оторвавшись от противника, русские войска закрепились на новых позициях. Упорным трудом наиболее уравновешенные командиры, комиссары и представители военных комитетов смогли восстановить в армии хоть какой-то порядок.

18 июля Верховным командующим был назначен генерал Корнилов, который на заседании Временного правительства 3 августа нарисовал весьма оптимистическую картину сложившейся военной ситуации и заявил, что в самое ближайшее время он планирует перейти в наступление*.

РИГА

А тем временем на фронте стало происходить нечто странное. Ранее Верховный главнокомандующий объявил, что планирует наступление и что, как обычно, будет координировать свои действия с командирами, комиссарами и избранными военными комитетами. Однако такие уверения не нашли подтверждения в реальных делах.

В начале августа на Юго-Западный фронт прибыл генерал Деникин. Взгляды только что назначенного на пост командующего фронтом генерала мало чем отличались от взглядов Корнилова. С тех дней оба они резко изменили свое отношение к комиссарам и военным комитетам. Командиры, которые считали для себя обязательным сотрудничество с комиссарами и комитетами, встречали холодный прием и замешались твердолобыми сторонниками старого режима.

13 августа товарищ председателя исполкома фронта Колчинский направил в адрес военного министра и Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов телеграмму, в которой изложил все, что происходило, подчеркнув, что политика, проводимая без согласования с центральными демократическими организациями, неизбежно вызовет волнения в войсках.

Его слова как нельзя лучше комментирует приказ исполняющего обязанности военного министра Савинкова за № 177 от 10 августа. "В связи с последними событиями на фронте в ряде воинских подразделений наблюдается определенное беспокойство в отношении дальнейшей судьбы армейских организаций. Такое беспокойство может быть объяснено лишь атмосферой взаимного недоверия, которая, к сожалению, возникла и сгущается вследствие пропагандистской деятельности подозрительных лиц..."

---

* Когда генерал упомянул о наступлении, я прервал его доклад и весьма сдержанно заметил: "Вряд ли стоит выносить специфические стратегические планы на рассмотрение правительства". В то время я не мог предполагать, чем обернется это замечание.

Кто они были, эти "подозрительные лица", которых не называет Савинков? Если бы он имел в виду большевиков, то без сомнения прямо назвал бы их. Но это были не большевики и, если так можно сказать, даже совсем наоборот. Кампанию против выбранных армейских организаций и комиссаров вели, и я знаю это наверняка, те самые офицерские организации и группы, которые вскоре после этого стали ядром военного заговора.

Во время обеда с Корниловым 3 августа я попросил его принять дисциплинарные меры в отношении некоторых штабных офицеров, чьи имена я ему сообщил. Однако никаких мер принято не было. Деятельность определенных лиц, о которых генерал Корнилов был поставлен в известность, не только продолжалась, но и усиливалась, как на фронте, так и в Петрограде и Москве.

Огромное несоответствие между словами нового Верховного главнокомандующего и реальным поведением Деникина и его единомышленников в действующей армии особенно бросалось в глаза на фоне усилий начальника штаба Корнилова генерала Лукомского, который всячески стремился укрепить боеспособность Северного фронта. Деникин и симпатизирующие ему высшие офицеры, которые, без сомнения, были истинно русскими патриотами, судя по всему, хотели любой ценой подорвать моральный дух и восстановленную дисциплину в армии, нанести ущерб доверию солдат к офицерскому составу.

Как могли они так поступать, когда и Верховный главнокомандующий, и высшие офицеры прекрасно знали, что германское Верховное командование готовится к наступлению на Северном фронте в районе Риги?

Был ли хоть какой-нибудь здравый смысл в их систематической клеветнической кампании против комиссаров и комитетов, которая велась и на митингах, и в прессе, и в официальных сводках Ставки?

И даже если в этом и была хоть капля здравого смысла, то можно ли было поднимать такой шум, когда в пределах слышимости находится противник, готовящийся к наступлению? И почему Северный фронт в те трагические недели усилиями высшего командования русской армии был намеренно поставлен под угрозу?

В то время я не мог найти ответов на эти мучительные вопросы, теперь же мне стала известна вся яудовищная правда.

В день падения Риги румынский посланник при Временном правительстве Диаманди волею судеб оказался в Ставке в Могилеве. Потрясенный известием об этом, он спросил Корнилова, как могло случиться, что неприятель захватил город, и что за этим последует. Генерал Корнилов ответил, что "не стоит придавать особого значения потере Риги". И добавил, что войска оставили Ригу по его приказанию, ибо он предпочел потерю территории потере армии. Генерал Корнилов также выразил надежду, что впечатление, которое произведет взятие Риги в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины русской армии*.

Не знаю, успокоили ли эти слова испуганного Диаманди, однако Корнилов не сказал ему правды. Он не сказал ему, что русские солдаты вели упорные бои под градом снарядов тяжелой артиллерии и в облаках

---

* См.: Известия. 1917. 1(14) декабря. Был опубликован текст телеграммы, которую советник итальянского посольства в Петрограде барон Фашиотти направил 22 августа итальянскому министру иностранных дел Соннино.

горчичного газа*. Он не мог признать, что поразил общественное мнение не тем, что не сообщил об истинном поведении русских солдат под Ригой, а тем, что пустил в ход лживые сводки, будто при первом ударе немцев русские трусливо бросились наутек.

Эти официальные сводки были немедленно опубликованы в столичной и провинциальной прессе, вызвав волну предубеждений против действующей армии. Эффект был таким же, как и при опубликовании лживых донесений о бегстве Млыновского полка и о 6-й гренадерской дивизии в первый день германского наступления на Юго-Западном фронте. Корнилов не мог, конечно, признаться, что эти лживые рассказы были нужны ему для обеспечения успеха его похода на Петроград, который он предпринял вскоре после падения Риги.

Поскольку я сам лично не был с русскими войсками под Ригой, то не могу дать описания боев, в которых были сметены с лица земли целые полки, "разложившиеся под влиянием революции". Однако есть немало свидетелей, которые поведали о мужестве русских войск, проявленном в самых безнадежных, исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Вот что, например, писал в газете "Известия" 22 августа 1917 года помощник комиссара при главнокомандующем армиями Северного фронта Владимир Войтинский: "19 августа под прикрытием ураганного огня противнику удалось переправиться на правый берег Двины. Наши орудия не могли помешать переправе, поскольку большая часть орудий, прикрывающих район переправы, была подбита противником. Наш плацдарм засыпан снарядами, бомбами с удушливым газом. Войска принуждены были отступить на 5 в. от Двины, на фронте протяжением 10 в. Для восстановления положения... двинуть свежие войска. Перед лицом всей России свидетельствую, что в этой неудаче нашей не было позора. Войска честно выполняли все приказы командного состава, переходя местами в штыковые атаки и идя навстречу верной смерти. Случаев бегства и предательства войсковых частей не было. Представители армейских комитетов — вместе со мной в районе боев".

Несмотря на это и многие другие свидетельства о мужественном поведении войск, та часть прессы, которая занимала по отношению ко Временному правительству враждебную позицию, широко разрекламировала после падения Риги предсказание генерала Корнилова, которое он сделал 14 августа на заседании Московского Государственного совещания, что вследствие "развала" русской армии падение Риги неизбежно. Ему нетрудно было сделать такое предсказание, поскольку он с самого начала августа приступил к отводу войск с Северного фронта, а направленная туда начальником его штаба Лукомским кавалерия была вместо этого переброшена к Петрограду.

---

* Горчичный газ — новое отравляющее вещество, созданное советником Хабером и впервые примененное в 1917 году на Восточном фронте. От этого смертельного газа не защищали даже противогазы, он также проникал сквозь одежду и поразал тело.

ПУТЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Несколько лет назад вниманию общественности была представлена часть секретных архивов Германского министерства иностранных дел, захваченных в ходе последней войны. Среди них оказалось немало документов, касающихся отношений немцев с Лениным и другими большевиками в период первой мировой войны. Содержание этих документов может быть истолковано по-разному, можно даже и не комментировать их вовсе, однако невозможно более отрицать их существования. Но и сегодня в СССР в газетах, в академических исторических журналах, в книгах по истории, написанных почтенными исследователями, не говоря уже о последнем издании "Истории КПСС" под редакцией Хрущева (так у автора. — *Прим. ред.*), коммунисты по-прежнему отвергают любые упоминания о сделках Ленина с немцами, квалифицируя их как "гнусную клевету" правительства Февральской революции против основателя Советской системы.

Почему же кремлевские руководители столь упорно отказываются признать достоверность этих отношений? Ведь в конце концов Хрущев разоблачил некоторые преступления Сталина, ослабил тяжкий гнет диктатуры, несколько облегчил повседневную жизнь людей. Положение мало изменилось и при его преемниках — Брежневе и Косыгине. Правда заключается в том, что, несмотря на все успехи промышленного развития, несмотря на определенные попытки усовершенствовать экономику в стране, особенно в области сельского хозяйства, в основном все сохранилось в том же виде, как и при Сталине. Большинство населения, за редким исключением, живет в той же нищете, в том же состоянии бесправия, не имея по-прежнему возможности посвятить свои силы духовному и материальному строительству свободной страны. Почему же? Да потому, что коммунисты не могут обнажить корни зла. Они разоблачили Сталина, наиболее рьяного последователя дела Ленина, но сам Ленин идеализируется и не подлежит критике.

Сказать правду о Ленине равнозначно разрушению тоталитарной диктатуры и дать возможность России вернуться на путь демократии, с которого ее насильственно столкнули большевики в октябре 1917 года. Поэтому-то столь тщательно скрываются от народов СССР германские секретные документы. Но невозможно скрыть их от внешнего мира, и я написал эту главу о большевистском восстании 3 июля 1917 года в свете этих документов, как мог бы ее написать и историк в России, если бы наследники Ленина не боялись бы так сильно правды.

К концу века рабочее движение в Европе выросло в могучую политическую силу. Тесно связанные с ним социалистические партии стали занимать на Западе места в парламентах. Наибольшую тревогу этих непрерывно крепнувших социалистических партий и профсоюзов вызвала угроза миру, создаваемая гонкой вооружений между великими державами. Социалисты полагали, что война является неотъемлемой

частью капиталистической системы и что трудящиеся должны бороться против любой угрозы войны всеми доступными им средствами, прибегая, если потребуется, к всеобщей забастовке. Однако в рамках этого социалистического движения существовала незначительная группа, к которой принадлежали Ленин и его сторонники, которая приветствовала возможность возникновения войны, видя в ней провозвестник пролетарской революции.

Как только началась Первая Балканская война, Ленин в письме Горькому выразил надежду на то, что императоры — Франц-Иозеф в Австрии и Николай II в России — "начнут взаимную перестрелку!"*.

С началом первой мировой войны надежда эта осуществилась. Ленин, живший в то время вблизи Кракова, был немедленно арестован австрийской военной полицией. После последовавшего вскоре освобождения он в сопровождении Зиновьева и своей жены Крупской сразу же выехал в Швейцарию. В Польше они жили в ужасной нищете и были вынуждены не раз обращаться за помощью к своим соратникам в Петрограде, прося прислать хоть сотню рублей, чтобы продолжить свою работу. В Швейцарии их положение несколько улучшилось, и в конце 1914 года стал выходить в свет "Социал-демократ" — весьма воинственное издание Ленина, орган пролетарской революции.

С повышенным интересом следил Ленин за развитием войны на Западе. Он видел, что под мобилизацию попало почти все мужское население воюющих стран, что все фабрики и заводы перешли на производство военной продукции и что все это привело к чудовищному росту военных расходов.

Введение в Германии плановой экономики, которая подчинила все личные интересы требованиям и контролю военных властей, создавало — или так это казалось Ленину — те условия, которые Маркс считал необходимыми для начала мировой пролетарской революции. Богатства страны были сконцентрированы в руках небольшой группы военных, крупных банкиров и промышленников; средние классы пережили процесс обнищания, и уровень их жизни приближался к уровню рабочих. Весь континент захлебывался в крови, а старый образ жизни на глазах уходил в прошлое. После неудачи социальной революции в 1848 году Маркс, стремясь утешить немецких рабочих, писал, что они должны выдержать 15, 20 или 50 лет гражданских и межнациональных войн не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но и для того, чтобы они сами могли измениться и стали способными взять в свои руки политическую власть.

Много лет спустя, хотя и не через классовую борьбу, а в результате империалистической войны, развязанной великими державами, осуществилось пророчество Маркса. Но об этом пророчестве стали забывать социалисты в долгий период сравнительного процветания и неуклонного упрочения политической мощи рабочего класса.

Именно в это время Ленин обратился ко всем "настоящим" вождям пролетариата с призывом превратить мировую империалистическую войну в "гражданскую войну между классами". Эту историческую миссию должен был взять на себя промышленный пролетариат. В ленинских планах России, как слаборазвитой в промышленном отношении стране,

---

* В письме А. М. Горькому 25 января 1913 года Ленин писал: "Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (по всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие" (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155.* — *Прим. ред.*

с ее огромным крестьянским населением, придавалось гораздо меньше значения, чем западноевропейским государствам с их мощным классом городских пролетариев. В то же время он полагал, что поражение царской России ускорит наступление мировой революции. Победить Россию могла только Германия, а посему долг каждого "настоящего" революционера — помочь Германии в этом деле. И соответственно только "социал-шовинисты" и "наемники буржуазии" откажутся содействовать поражению своей собственной страны.

У самого Ленина не было абсолютно никаких сомнений — морального или духовного свойства — в том, что необходимо содействовать поражению своей страны. Старый друг Ленина Г. А. Соломон писал:

"Следующее мое свидание было с Лениным... Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров "Утопия", только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова "Утопии" здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к *мировой революции!*..."*

Позже, недоумевая по поводу позиции Ленина, Соломон высказывал такое мнение: "Мне вспоминается, что Ленин уже задолго до смерти страдал прогрессивным параличом, и невольно думается, уж не было ли это просто спорадическое проявление симптомов его болезни..."**

Ленин твердо верил в марксистские идеи, изложенные в "Коммунистическом манифесте". Для него все, что было на пользу и выгодно рабочему классу, представлялось этичным, а все, что вредно, — неэтичным. Такая доктрина морального релятивизма, если следовать ей до логического конца, неизбежно ведет к той аморальности, которая предельно сжато сформулирована в словах Ивана из "Братьев Карамазовых" Достоевского: "Если Бога нет, то все позволено". И действительно, именно эту сжатую формулу духовного и морального нигилизма Ленин и его соратники использовали в качестве руководящего принципа всей своей революционной деятельности.

В один из сентябрьских дней 1915 года некий эстонец по имени Кескюла***, бывший коллега Ленина по партии, встретился с германским послом в Берне господином Ромбергом. Он рассказал Ромбергу о том, какой будет внешняя политика русского правительства, если к власти придут большевики. 30 сентября Ромберг направил в министерство иностранных дел депешу, в которой изложил этот разговор, а сам Кескюла через некоторое время выехал в Берлин. Ознакомившись неско-

---

* Соломон Г. А. Среди красных вождей. Париж. 1930. Т. 1. С. 15.

** Там же. С. 83.

*** Кескюла был также членом эстонской националистической организации и сотрудничал с одним из главных контрразведчиков германского генерального штаба Штайнвахсом, который в 1916 году был направлен в Стокгольм в помощь германскому послу Люциусу.

лько лет назад с этой депешей Ромберга*, я понял, насколько ошибался, предполагая, что отношения Ленина с Берлином были установлены лишь после падения монархии, что, между прочим, явилось тогда полной неожиданностью как для Ленина, так и для немцев.

15 января 1915 года германский посол в Константинополе Вагенхейм сообщил в Берлин о встрече с русским подданным, д-ром Александром Гельфандом, который ознакомил его с набросками плана революции в России. Гельфанда (он же Парвус) немедленно пригласили в Берлин. По прибытии туда 6 марта он был тотчас принят Ритулером, личным советником канцлера Бетман-Гольвега. После краткого предварительного разговора он вручил Бетман-Гольвегу записку, озаглавленную: "Подготовка к массовым политическим стачкам в России". Парвус предложил, по-первых, чтобы немцы передали ему значительную сумму денег на развитие сепаратистского движения в Финляндии и на Украине; во-вторых, чтобы они оказали финансовую помощь пораженческой фракции Российской социал-демократической партии — большевикам, руководители которых находились в то время в Швейцарии. Предложения Парвуса были приняты без малейших колебаний. По распоряжению самого кайзера Вильгельма ему было предоставлено германское гражданство и выдана сумма в 2 миллиона немецких марок.

В мае того же года Парвус отправился в Цюрих на встречу с Лениным. У них состоялся продолжительный разговор, краткий отчет о котором Парвус приводит в своем памфлете "Правда, которая колется", опубликованном в 1918 году в Стокгольме.

"Я изложил ему свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция возможна только в России и только в результате победы Германии... После падения монархии германские социал-демократы делали все возможное, чтобы помочь русским эмигрантам возвратиться в Россию. Однако глава империалистического большинства в социал-демократической партии, член германского правительства Шейдеман со всей решительностью объяснил большевикам, что пока идет война, революция в Германии *невозможна* (курсив Парвуса) и более того, ни в коем случае не следует ставить в трудное положение Западный фронт. Мы не сделаем этого, ибо победа стран Антанты будет означать не только крах Германии, но также и крах русской революции". И хотя, судя по всему, Ленин отказался дать прямой ответ Парвусу на его предложения, тем не менее между ними было решено поддерживать секретную связь через Фюрстенберга (Ганецкого). Ленин направил его в Копенгаген, где он работал вместе с Парвусом.

15 августа того же года германский посол в Дании граф Брокдорф-Рантцау отправил в Берлин сенсационную депешу, в которой сообщал, что он в сотрудничестве с д-ром Гельфандом (Парвусом), которого охарактеризовал как одного из самых блестящих людей, "разработал замечательный план по организации в России революции", добавив в конце депеши: "Победа и, следовательно, мировое господство за нами, если вовремя удастся революционизировать Россию и тем

---

* Источник, откуда взят текст депеш Ромберга, являющийся ключевым документом всего вопроса германо-большевистских отношений, приводится в конце этой главы.

самым развалить коалицию"*. План был одобрен в Берлине самим кайзером Вильгельмом II. Следует отметить, что в характеристике, данной немецким графом Парвусу, нет преувеличения. Он был не только лучшим организатором шпионской и подрывной деятельности против России, но и обладал бóльшим политическим предвидением, чем отцы "Великой Октябрьской революции".

Секретные досье архивов германского министерства иностранных дел позволяют сделать вывод, что кайзер Вильгельм и его правительство приступило к деловому сотрудничеству с большевиками лишь после того, как провалились все попытки склонить Николая II к заключению сепаратного мира с Германией ради спасения всей монархической системы правления в Европе. Условия этого сепаратного мира предполагалось согласовать, используя многочисленные каналы (включая родственников императрицы Александры). Однако все германские мирные предложения были решительно и резко отвергнуты Николаем II.

Надежды немцев заключить сепаратный мир с Россией возродились осенью 1916 года, когда министром иностранных дел стал Штюрмер, а на пост министра внутренних дел был назначен Протопопов**. Приблизительно в это самое время Ленин и Крупская стали вновь жаловаться на материальные затруднения, однако их финансовые сложности продолжались недолго.

3 декабря 1917 года министр иностранных дел барон фон Кюльман направил кайзеру Вильгельму телеграмму следующего содержания:

"Берлин, декабрь 3, 1917. Тел. № 1771. Распад Антанты и последующее возникновение в результате этого выгодных нам политических комбинаций является важнейшей целью нашей дипломатии во время войны. Россия (на мой взгляд) является самым слабым звеном в цепи противника. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы еще больше расшатать это звено, и, когда предоставится возможность, вырвать его из цепи. Эта цепь лежит в основе всей подрывной деятельности за линией фронта внутри России, а для этого прежде всего необходимо всячески содействовать сепаратистским тенденциям и оказывать поддержку большевикам. Ведь до тех пор, пока они не стали получать от нас по разным каналам и под разными предлогами постоянных субсидий, они не имели возможности создать свой главный печатный орган "Правду", чтобы вести действенную пропаганду и существенно расширить до того времени узкую базу своей партии! Сегодня большевики пришли к власти... Брошенная и отвергнутая своими бывшими союзниками и лишенная финансовой поддержки, Россия будет вынуждена искать нашей помощи. Мы сможем оказывать помощь России самыми различными способами; она примет долгосрочную форму, если Россия заранее обязуется поставлять нам морским путем зерно, сырье и т. д. под контролем вышеупомянутой комиссии. Наша помощь на такой основе, размеры которой можно увеличить, если и когда это потребует, привела бы, на мой взгляд, к быстрому сближению двух стран..." На следующий день, 4 декабря 1917 года, Кюльман получил телеграмму от Грюнау, своего представителя в Генеральном штабе, который сообщал, что "его величество кайзер выразил согласие с предложенным вашим превосходительством планом сближения с Россией"***.

---

* Цитируется по материалам Дэвида Флойда в "Дейли телеграф" и "Морнинг пост" от 13 апреля 1956 года.

** См. гл. 12.

*** International Affairs. 1956. № 4. С. 189.

Общая сумма денег, полученных большевиками от немцев до и после захвата ими власти, определена профессором Фритцем Фишером в 80 миллионов марок золотом*.

Падение 12 марта монархии было полной неожиданностью как для населения России и германского правительства, так и для изобретателей "генерального плана". За две недели до этого, выступая на собрании швейцарских рабочих, Ленин заявил собравшимся, что революция в России обязательно свершится, но вряд ли ее свидетелями станет его поколение. Когда ранним утром 28 февраля к Ленину прибежал один из его товарищей и сообщил о начале революции в Петрограде, тот отказался поверить ему. Какое-то время он пребывал в состоянии замешательства, от которого вскоре оправился, а 3 марта послал письмо в Норвегию своей единомышленнице Александре Коллонтай. В нем он писал:

"Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По "старому" европейскому шаблону... Ну что ж! Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революций" не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К^о.

Все наши лозунги те же..."**

Вслед за письмом Коллонтай он направил своим сообщникам в Стокгольме, готовящимся к отъезду в Россию, телеграмму с инструкциями:

"Наша тактика: полное недоверие; никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями"***.

Кампанию против меня он развернул с первых же дней после революции, используя такие выражения: "агент революции", "фразер", а также "самый опасный человек для революции в ее начальной стадии". В письме Фюрстенбергу (Ганецкому) от 30 марта 1917 года он развивает ту же тему: "Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю "Колокола", я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это обмен швейцарских

---

* *Fisher Fritz. Griff nach der Weltmacht — Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf, 1961. S. 176.* Часто цитируемое и широко известное выражение "кайзеровские миллионы для Ленина" следует рассматривать в правильном контексте. По оценкам на 30 января 1918 года, Германия к тому времени ассигновала и истратила из средств специального фонда на пропаганду и специальные цели (*Sonderexpeditionen*) 382 миллиона марок. 40 580 997 марок, истраченных на Россию, составляют около 10 процентов этих расходов. К 31 января 1918 года "все еще" не были израсходованы 14,5 миллиона марок, однако к июлю 1918 года ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России уже достигли 3 миллионов марок. Незадолго до убийства посол граф Мирбах запросил дополнительно 40 миллионов марок, с тем чтобы конкурировать с соответствующими ассигнованиями из стран Антанты. Из этих 40 миллионов до конца войны только 6 миллионов, во всяком случае не более 9 миллионов, были высланы и использованы частями каждые два-три месяца.

** *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399. — Прим. ред.*

*** Там же. Т. 31. С. 7. — *Прим. ред.*

эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму. Единственная, без преувеличений единственная, надежда для нас попасть в Россию, это — послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления "Совета рабочих депутатов" *добиться* от правительства *обмена* всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных... Последние известия заграничных газет все яснее указывают на то, что правительство, при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе, надувает и *небезуспешно* надувает рабочих, выдавая империалистскую войну за "оборонительную"...

Нет сомнения, что в Питерском Совете рабочих и солдатских депутатов многочисленны и даже, по-видимому, преобладают (1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии... (2) сторонники Чхеидзе... И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К^о или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К^о...

Лучше всего бы было, если бы поехал надежный, умный парень, вроде Кубы* (он оказал бы великую услугу всему всемирному рабочему движению)...

Условия в Питере архитрудные... Нашу партию хотят залить помоями и грязью ("дело" Черномазова — посылаю о нем документ**) и т. д. и т. д...

На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!!

Очень прошу, дорогой товарищ, телеграфировать мне о получении этого письма...***

Вечером 3 апреля Ленин прибыл в Петроград из Германии в "экстерриториальном вагоне", предоставленном ему немцами.

Через две недели после его прибытия, когда город захлестнули вооруженные демонстрации солдат и матросов, организованные штабом Ленина, к немцам на линии фронта под белыми флагами явились никому не известные русские парламентарии. Я считаю этот инцидент, о котором в то время ничего не знал, еще одним свидетельством того, что перед своим возвращением в Россию Ленин взял на себя обязательство заключить как можно скорее сепаратный мир с Германией.

Упоминание этого странного инцидента, которое я обнаружил в германских секретных архивах всего несколько лет назад, содержится в те-

---

* Это была кличка Ганецкого. Ленин использует ее из соображений конспирации.

** Рабочий, член редколлегии "Правды", который был также полицейским агентом. Имеется в виду статья В. И. Ленина "Проделки республиканских шовинистов" (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 79—82).

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418—423.

леграммах, которыми обменялись между собой штаб Гинденбурга и имперское правительство*.

25 апреля представитель министерства иностранных дел, прикомандированный к штабу Гинденбурга, сообщил Бетман-Гольвегу в Берлин о том, что переговоры с "представителями русского фронта" достигли стадии, когда возникла необходимость отозвать германских представителей и проинструктировать их относительно более определенных условий, которые они могли бы предложить на следующей встрече русским поборникам перемирия. Вот полный текст телеграммы: "Генштаб, апрель 25, 1917. Имперскому Советнику представительства при Министерстве иностранных дел. Генерал Людендорф сообщает следующее:

События опережают переговоры с представителями Русского фронта. *В настоящее время переговоры достигли столь решающей стадии, что тех, кто ведет переговоры с нашей стороны, следует отозвать и дать им, если потребуется, более подробную информацию для передачи русским наших более определенных условий мира* (курсив мой).

Таким образом, основы для этого могут быть выработаны в результате соглашения между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии при участии министров иностранных дел соответствующих стран. Русский фронт находится в состоянии спокойного наблюдения. На изменение этого положения оказывают влияние английские агитаторы, допущенные на фронт с согласия Временного правительства, а также наша агитация непосредственно во фронтовых районах. В настоящее время они уравнивают друг друга. Мы легко можем склонить чашу весов на свою сторону, если сделаем на переговорах конкретные предложения тем русским, которые заинтересованы в мире. Выражая эту точку зрения, я прошу ваше превосходительство согласовать с Австрией наши условия заключения мира на основе обмена мнениями в Крейцнахе 23.4. Тем временем я посоветую Обосту проинформировать русских о том, что им следует 1) удалить из зоны боевых действий английских и французских агитаторов; 2) направить к нам представителей от отдельных армий, с которыми мы могли бы вести серьезные переговоры.

Грюнау***

В телеграмме Грюнау не упоминаются имена русских участников этих переговоров, представители русского Верховного командования и не могли вести такого рода переговоров. Еще большее удивление вызывает то обстоятельство, что в сообщении Ставки германскому министерству иностранных дел от 7 мая 1917 года (нового стиля) есть ссылка на появление 4 мая в расположении передовых линий 8-й армии под командованием генерала фон Эйхгорна русских парламентариев.

Беседа с русскими представителями парламентариев к югу от Десны: "Два представителя сообщили, что 4 мая в Петроград были отправлены два курьера с тем, чтобы побудить ближайшего сподвижника Чхеидзе Стеклова прибыть сюда от имени Чхеидзе, который сам этого сделать не

---

* К сожалению, архивы военного министерства и разведывательного отделения германского Генерального штаба были полностью уничтожены огнем, поэтому о деятельности этих учреждений можно судить лишь по их переписке с правительством. Это огромная утрата для истории России 1917 года. Я уверен, что в военных архивах я обнаружил бы ссылки на определенных лиц, которые подтвердили бы мои исследования. Однако без таких документов я не считаю возможным упоминание этих лиц по имени.

** German Foreign Office Files in National Archives of the USA, File 1499, Fr. D-627679-680.

может; что Стеклов склонен достичь компромиссных соглашений и потому, как они полагают, было бы полезно, если бы мы, со своей стороны, могли бы тоже направить партийных товарищей (т. е. членов большинства Германской социал-демократической партии). Отвечая на вопрос об отношении к главным пунктам нашей пропаганды, депутаты заявили, что никогда не признают германских аннексий. Если немцы согласны с этим, то русским не будет необходимости консультироваться с Антантой и они заключат сепаратный мир. Россия просит оказать финансовую поддержку своим военнопленным... Генерал Людендорф обращается к Вашему превосходительству с просьбой назначить надежного социал-демократа и, для равновесия, члена национальной партии (свободного консерватора) для участия в таких переговорах. От имени армии можно было бы привлечь к переговорам бывшего военного атташе в Париже полковника фон Винтерфельда (нынче главный квартирмейстер в Митау). Ваше превосходительство могло бы выделить ему в помощь кого-либо из молодых дипломатов, более сведущего в подобном рода процедурах.

Генерал Людендорф исключает возможность проведения переговоров на нейтральной территории. Для этого подошли бы Митау, Рига или другое место, с которым можно установить телеграфную связь. Я изложил генералу Людендорфу взгляды Вашего превосходительства на объединение Литвы с Курляндией под эгидой герцога. Он войдет по этому вопросу в контакт с Главнокомандующим. Слово "аннексия" следует заменить на "уточнение границ".

Генерал просит сообщить ему о позиции Вашего превосходительства.

Лесснер **

Если парламентарии сообщили 4 мая, что они поддерживают связь со Стекловым, то очевидно, что к немцам они пришли не в первый раз. И действительно, в своих мемуарах германский министр пропаганды и влиятельный член католического центра в рейхстаге Эрцбергер пишет, что двумя днями ранее, 2 мая, генерал Людендорф сообщил ему о попытках каких-то русских делегатов начать переговоры "на своих собственных условиях заключения мира".

Если перевести эти даты с нового на старый стиль, то получится, что таинственные русские "парламентарии" предприняли попытки начать переговоры на фронте *именно в те дни (19 и 21 апреля), когда в столице состоялись вооруженные демонстрации, организованные большевиками* **.

---

* German Foreign Office Files in National Archives of the USA. Document D-627769.

** То, что демонстрации были действительно организованы большевиками, доказывает следующий рассказ лидера большевиков в Кронштадте гардемарина Раскольников (Ф. Ф. Ильин): "20 апреля, вечером, возвратившиеся из Петрограда товарищи сообщили кронштадтскому партийному комитету, что в Питере спокойно..."

На следующий день по телефону позвонил из Петрограда т. Николай Ильич Подвойский. Оговорившись, что по проводу он всего сообщить не может, т. Подвойский от имени военной организации потребовал немедленного приезда в Петроград надежного отряда кронштадтцев. Встревоженный, прерывистый голос т. Подвойского обнаруживал, что в Петрограде положение серьезно.

Мы тотчас разослали телефонограммы по судам и береговым отрядам, приглашая каждую часть выделить несколько вооруженных товарищей для поездки в Петроград (Красная летопись. 1923. № 7. С. 91).

Однако эти демонстрации закончились провалом, и посланцы "от Стеклова" никогда более не появлялись на фронте*.

Но из всех этих документов со всей очевидностью вытекает, что Гинденбург, Людендорф, Бетман-Гольвег, Циммерман и даже сам кайзер готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми лицами в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю. Генерал Гофман, который, по сути дела, осуществлял командование Восточным фронтом, отнесся к приказу отправиться с Эрцбергером в Стокгольм для получения соответствующих инструкций столь скептически, что в своей книге "Война упущенных возможностей" приходит к абсурдному выводу, что "Керенский посылает нам своих людей будто бы для ведения мирных переговоров, чтобы усыпить бдительность германских военных властей и тем временем подготовить наступление русских армий".

Однако люди, создавшие "генеральный план" (к этой группе генерал Гофман не относился) заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире — Ленин.

В то время в Петрограде с визитом находился глава шведских социал-демократов Ялмар Брантинг, один из немногих влиятельных людей в Стокгольме, которые выступали против попыток шведской армии и правительственной верхушки вступить в войну на стороне Германии. У нас с ним вскоре установились вполне дружеские отношения, и однажды, когда мы говорили с ним о весьма вольном поведении наших большевиков в шведской столице, он неожиданно со смехом сказал: "А вы знаете, что когда Ленин был в Стокгольме на пути в Петроград (2 апреля), он заявил на собрании крайне левых членов нашей партии, что через две или три недели возвратится в Стокгольм, чтобы вести переговоры о мире?"

Увидев недоумение на моем лице, он добавил: "Уверю вас, что не шучу. Мне сказал об этом один из членов социал-демократической партии, который там присутствовал, человек, которого я давно знаю и которому полностью доверяю".

Достоверность рассказанной Брантингом истории подтверждается телеграммой, которую получил из Гааги от А. И. Бальфура Джордж Бьюкенен.

"За последние несколько дней я получил из четырех разных источников информацию об уверенности Германии в том, что в ближайшие две недели будет объявлено о мире между Россией и Германией. В одном из сообщений говорится, что вести переговоры уполномочен Кюльман, который, по слухам, находится в этом городе".

Телеграмма была послана Бальфуром 4 мая (н. ст.), а 15 апреля состоялась встреча Ленина со шведскими социал-демократами, о которой упомянул Брантинг.

Я вспомнил о том, что рассказал мне Брантинг, когда знакомился с немецкими документами о мирных переговорах, и, перебрав в уме все

---

* В мае германское правительство предприняло две попытки побудить Россию, под предлогом заключения перемирия, вести сепаратные переговоры и тем самым помешать восстановлению боеспособности наших армий. Одна из них — на Северном фронте, которым командовал генерал А. М. Драгомиров; другая — в Петрограде через посредство одного из руководителей шведских социал-демократов и члена шведского Национального собрания Роберта Гримма. Попытка на фронте осталась без ответа. Гримма же попросили немедленно покинуть Россию, после того как была расшифрована его переписка с Берлином (которую он вел через шведское представительство). См.: Russian Provisional Government. Vol. 2. P. 1158, 1180—1181.

случаи вооруженных демонстраций в 1917 году, пришел в конце концов к выводу, что главной целью Ленина в то время было свержение Временного правительства, что он считал важным шагом на пути к подписание сепаратного мира. Это было равно важно и для верховного командования Германии, и для фанатичных приверженцев идеи мировой пролетарской революции.

Для достижения этой цели, с точки зрения большевиков, совсем не обязательно было организовывать вооруженное восстание против правительства. Все, что требовалось, полагали они, это разного рода мирные "средства давления" (массовые демонстрации и др.), чтобы свергнуть правительство и осуществить лозунг "Вся власть Советам". А уж когда власть перейдет в руки разношерстной компании лидеров разных партий, представленных в Петроградском Совете, нетрудно будет преобразовать ее в диктатуру большевистской партии.

Однако Ленин и те, кто поддерживал его за границей, в своих расчетах не учли один существенный фактор: Петроград — это еще не вся страна, "революционная демократия" — ни в коем случае не представляла русскую демократию в целом, а ее лидеры, вопреки их претензиям, не располагали в стране реальной властью.

Всякий раз, когда в столице происходили "мирные" вооруженные демонстрации — в конце апреля, 9 и 18 июня, — они кончались провалом. И происходило это потому, что вожди "революционной демократии" четко понимали одну вещь: если они захватят власть, то будут сами тут же свергнуты Лениным, который открыто презирал их и не скрывал своих намерений по этому вопросу. Ленин быстро усвоил урок, что между свержением правительства, основанным на воле свободного народа, и захватом власти вооруженным меньшинством не может быть промежуточной стадии.

В середине апреля в Петроград прибыл французский министр военного снабжения Альбер Тома. Он привез с собой и передал князю Львову некоторую, в высшей степени важную, информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Однако французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он — источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займутся расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил это расследование Некрасову, Терещенко и мне.

17 мая (а, быть может, днем позже) я получил от начальника штаба генерала Деникина пакет с протоколом допроса прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко, проведенного офицерами контрразведки. Находясь в германском плену, этот молодой офицер согласился работать немецким агентом для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией и получил от двух офицеров германского генштаба Шигицкого и Люберса (существование коих было подтверждено) необходимые инструкции, деньги и адреса. Согласно показаниям Ермоленко, они сообщили ему, что такого же рода агитацию ведут в России агент германского генерального штаба, председатель украинской секции "Союза освобождения Украины", которая функционировала в Австрии с 1914 года на средства Вильгельма II, А. Скоропись-Иолтуховский, а также — Ленин.

В соответствии с условием, которое выдвинул Тома, больше никто в России, даже другие министры или Верховный главнокомандующий, не были поставлены в известность о сообщенных фактах.

В начале июля, когда наши расследования, давшие весьма плодотворные результаты, близились к завершению, министру юстиции П. Н. Переверзеву были выданы соответствующие документы для проведения необходимых арестов. Министр получил распоряжение без специального разрешения князя Львова никому не показывать этих документов и лично нести ответственность за их сохранность.

Создавшееся вечером 4 июля положение, когда Таврический дворец оказался окружен огромной толпой вооруженных солдат и матросов, принимавших участие в организованном большевиками восстании, показалось Переверзеву и его помощникам столь угрожающим, что они, не обратившись за разрешением ко Львову, опубликовали заявление для печати о связях организаторов демонстрации с немцами.

После ссылки на допрос Ермоленко в заявлении говорилось следующее:

"...согласно только что поступившим сведениям (курсив мой), такими доверенными лицами являются: в Стокгольме — большевик Я. Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус, в Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями. Козловский является получателем немецких денег, переводимых из Берлина чрез Disconto-Gesellschaft на Стокгольм Nya Banken, оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2-х миллионов.

Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами Стокгольма и Петрограда"*.

Следует отметить, что все эти детали были взяты из доклада, подготовленного Терещенко, Некрасовым и мной на основе абсолютно секретных расследований, и не имели никакого отношения к допросу Ермоленко.

В тот же вечер состоялся короткий телефонный разговор между главным прокурором апелляционного суда в Петрограде Н. С. Каринским и близким другом и соратником Ленина Бонч-Бруевичем.

"Я звоню к вам, — сказал он мне, — чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу.

— В чем же дело? — спросил я его.

— Его обвиняют в шпионстве в пользу немцев.

— Но вы-то понимаете, что это самая гнуснейшая из клевет! — ответил я ему.

— Как я понимаю, это в данном случае все равно. Но на основе этих документов будут преследовать всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять нужные меры, — сказал он как-то глухо, торопясь. — Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать. До свидания. Желаю вам всего наилучшего... Действуйте..."**

---

* Русское слово. 1917. 6(19) июля.

** Бонч-Бруевич Влад. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. 2-е изд. М., 1931. С. 83.

Бонч-Бруевич не промедлил и тем же вечером, 4 июля, Ленин и его неизменный приспешник Апфельбаум (Зиновьев) исчезли бесследно. Ленин не тратил времени. Он-то прекрасно знал, о чем идет речь.

В результате опубликованного заявления доселе неизвестный прапорщик Ермоленко стал предметом разговора всего города. Игнорируя другие обвинительные свидетельства, приведенные в заявлении Переверзева, руководители Совета возмутились, каким образом можно предъявить обвинения такому человеку, как Ленин, на основе показаний весьма сомнительного прапорщика, засланного в Россию как шпиона. Стоит ли говорить о том, что и сам Ленин постарался запутать дело, сконцентрировав все внимание на Ермоленко.

6 июля "Правда" выпустила специальный листок (обычный номер нельзя было выпустить вследствие того, что в ночь на 5 июля группа юнкеров устроила погром в редакции газеты), где была помещена статья Ленина, которую он написал перед бегством в Финляндию, когда скрывался в квартирах рабочих-большевиков и главным образом в квартире рабочего по фамилии Аллилуев, чья дочь позднее стала женой Сталина. В этой статье Ленин с возмущением отверг обвинения как "позорную клевету" и, следуя старой военной аксиоме, что нападение — лучшая защита, писал далее:

"Вздорность клеветы бьет в глаза... Доклад о "документах" послан был Керенскому еще 16-го мая. Керенский член и Временного правительства и Совета, т. е. обеих "властей". С 16-го мая до 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы *сама* "документы" расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать"*.

27 июля, после того как в газетах были полностью опубликованы все обвинительные показания, Ленин в газете "Рабочий и солдат", отметив, что все обвинения против него сфабрикованы в духе "дела Бейлиса", писал:

"Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким *никаких*"***.

Ленин преднамеренно забыл ту часть обвинения, где отмечалось, что во время обыска в доме известной балерины Кшесинской, где находилась штаб-квартира Ленина, следователи обнаружили телеграмму Ганецкого Ленину о финансовых вопросах. Неуместность сравнения дела Ленина с делом Бейлиса почувствовал даже Троцкий. Он написал статью о "величайшей в мире клевете" и о "новой дрейфусиаде". Эта статья, переведенная на многие иностранные языки, в течение длительного времени служила для многих людей на Западе основанием для возмущения попытками Временного правительства очернить честь великого революционера и борца за дело рабочего класса.

Однако факты, по выражению самого Ленина, "упрямая вещь", и, когда в июле внешние и внутренние враги свободы в России потерпели крах в попытках сокрушить едва родившуюся в стране демократию, Ленин молчаливо признал справедливость этих фактов, покинув пределы страны. И в самом деле, после того как вся Россия узнала, с кем водил он компанию, выбора у него не было.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 415.

** Рабочий и солдат. 1917. 27 июля (9 августа).

После подавления июльского восстания влияние большевиков резко уменьшилось. Почти нигде в стране нельзя было услышать голоса большевистских агитаторов-пораженцев; представители ленинской партии исчезли из президиумов местных Советов, а на фронте солдаты нередко сами арестовывали большевистских агентов и изгоняли их из своих рядов. Ленин и его сторонники прекрасно отдавали себе отчет в упадке своего влияния. Открыто признал это и Троцкий в своей брошюре "Русская революция 1917 года", в которой недвусмысленно писал, что после июльского восстания большевистская партия была вынуждена на некоторое время перейти на нелегальное положение.

В период своего пребывания в Финляндии Ленин, опираясь на опыт четырех "мирных" вооруженных демонстраций, пришел к выводу о том, что, соблазняя меньшевиков и партии социалистов-революционеров лозунгами "Вся власть Советам!", он никогда не добьется свержения Временного правительства.

Как всегда быстро оправившись от нанесенных ударов, он вскоре обратился к большевистской партии с новой директивой в статье, озаглавленной "К лозунгам", где писал, что отныне пролетариат сможет взять власть в свои руки лишь путем вооруженного восстания, а до тех пор ему ничего не остается, как ждать, пока "русские Кавеньяки"* во главе с Керенским расправятся с Советами, а обе "соглашательские" социалистические партии капитулируют, в конце концов, безо всякой борьбы. А тем временем пролетариату под руководством большевиков следует терпеливо готовиться к тому моменту, когда он лицом к лицу столкнется с "русскими Кавеньяками" в решающей и окончательной схватке.

Пытаясь скрыть степень своей капитуляции от русских солдат и рабочих, которые были мало сведущи в политике и еще меньше — в европейской истории, Ленин не нашел ничего лучшего, чем заклеить меня "Кавеньяком" и процитировать известное письмо Карла Маркса к германским рабочим после поражения так называемой "социальной революции" 1848 года**. Излагая свою новую директиву, он писал:

"Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл "внезапно" настолько же, насколько "внезапен" был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля — 4 июля***.

---

* Генерал Луи Кавеньяк подавил в июне 1848 года восстание рабочих в Париже.

** В статье В. И. Ленина "К лозунгам" упоминается не письмо Маркса к германским рабочим, а работа Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". — *Прим. ред.*

*** См. директиву Ленина, озаглавленную "К лозунгам", написанную в середине июля 1917 года и напечатанную отдельной брошюрой, изданной Кронштадтским комитетом РСДРП(б). *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10—17.*

Касаясь актов насилия толпы, возмущенной сообщениями о большевистском предательстве после неудачного восстания, и статей крайне правой реакционной прессы, Ленин пытается изобразить Временное правительство как кучку махровых реакционеров:

“Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду* — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, через “Новое Время”, “Живое Слово” и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, “самообман и обман народа”.

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии: надо разъяснить народу их палаческую роль и неизбежность такого “финала” этих партий после их “ошибок” 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, — политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле...

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многообразные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...”*

Вряд ли стоит говорить, что провал попытки Ленина захватить власть в июле был огромной неудачей для немцев. Ленин не обеспечил заключения сепаратного мира, того самого мира, который, как писал фельдмаршал Гинденбург канцлеру Бетман-Гольвегу 5 апреля, столь необходим до наступления зимы 1917 года**.

В отчаянных попытках решить эту проблему кое-кто в германском правительстве или, возможно, в Генеральном штабе выдвинул идею заключения мира с Временным правительством.

Однажды в конце июля меня в служебном кабинете навещил д-р Рунеберг, прибывший из Финляндии. Я знал д-ра Рунеберга как великолепного врача и как проницательного политика и потому внимательно выслушал его. Весьма значительное лицо из Стокгольма, чье имя он не раскрыл, обратилось к нему с просьбой сообщить мне, что у него есть для меня послание германского правительства и что он соответственно желал бы встретиться со мной. Д-р Рунеберг добавил, что знает мое отношение к подобным предложениям, однако в такой исторический момент, когда судьба стран, ведущих войну, находится в состоянии шаткого равновесия, он полагал, что сделал бы ошибку, не сообщив мне об этом. Меня привела в ярость сама идея — чтобы немцы позволили

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 15, 17.

** См.: German Secret Archives, microcopies. Т. 120. ii, №1498, А 627623.

себе обратиться ко мне,— и я попросил своего друга информировать лицо из Стокгольма, что "он может, если пожелает, приехать и встретиться со мной, однако я тут же распоряжусь о его аресте". Не вдаваясь в детали, я упомянул об этом инциденте на Московском государственном совещании*.

В конце концов Ленину, конечно, удалось подписать сепаратный мир, но это произошло слишком поздно, чтобы дать возможность немцам одержать победу на англо-французском фронте.

Приложение

Довесение Ромберга германскому канцлеру**

Посланник в Берне — канцлеру
Сообщение № 794
А 28659

Берн, 30 сентября 1915 года

Эстонцу Кескюле удалось договориться об условиях, на которых русские революционеры готовы заключить с нами мир в случае успешного завершения революции. Согласно информации, полученной от хорошо известного революционера Ленина, его программа содержит следующие пункты:

1. Установление республики.
2. Конфискация крупной земельной собственности.
3. 8-часовой рабочий день.
4. Полная автономия для всех национальностей.
5. Предложение о мире, без каких-либо консультаций с Францией, но при условии, что Германия откажется от всех аннексий и военных репараций.

По пункту 5 Кескюла замечает, что его содержание не исключает возможности отделения от России тех национальных государств, которые смогут стать буферными государствами.

6. Русские армии немедленно выводятся из Турции, иными словами, полный отказ от притязаний на Константинополь и Дарданеллы.
7. Русские войска вводятся в Индию.

Я оставляю открытым вопрос, следует ли в действительности придавать большое значение этой программе, тем более что сам Ленин настроен весьма скептически относительно перспектив революции. Его, видимо, очень сильно беспокоит предпринятое недавно так называемыми социал-патриотами контрнаступление. Согласно данным Кескюлы, это контрнаступление возглавляют социалисты Аксельрод, Алексинский, Дейч, Марк Качел, Ольгин и Плеханов. Они ведут яростную агитацию и имеют немалые финансовые средства, которые, по-видимому, черпают из правительственных фондов. Их деятельность представляет тем большую опасность для революции, что сами они являются старыми революционерами и поэтому хорошо знакомы с техникой организации революции. По мнению Кескюлы, в связи с этим было бы

---

* В Гуверовском институте Стэнфордского университета имеется письменное показание, подписанное мной, в котором содержатся некоторые другие подробности этого инцидента.

** Цит. по: *Zeman Z. A. B. Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918.* London, 1958. P. 6—7.

важно, чтобы мы немедленно оказали помощь движению Ленинских революционеров в России. Он лично доложит об этом в Берлин. Согласно его источникам информации, настоящий момент крайне благоприятен для свержения правительства. Поступает все больше сообщений о рабочих беспорядках, а роспуск Думы, как говорят, вызвал всеобщее возбуждение. Тем не менее нам следует действовать без промедления, не дожидаясь, пока социал-патриоты возьмут верх.

...Программу Ленина не следует, конечно, предавать гласности, поскольку ее опубликование приведет прежде всего к раскрытию источника информации, а также потому, что обсуждение этой программы в печати лишит ее всякой ценности. Я считаю, что она должна быть окружена завесой величайшей секретности с тем, чтобы создать впечатление, будто подготовка к соглашению с могущественными кругами в России уже ведется.

Не касаясь французского аспекта, я прежде всего просил бы Вас обсудить эту информацию с Кескюлой и сделать все возможное, чтобы не нанести ущерба чрезмерно поспешной ее публикацией в прессе.

Ромберг.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

Восстановление России после падения монархии происходило крайне быстрыми темпами. Страна стремительно набирала силы. Повсюду укреплялись конструктивные силы. Россия вновь начала работать, воевать, отдавать приказы и подчиняться им.

Принятый русской армией весной 1917 года стратегический план зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Улучшились отношения солдат и офицеров, прекратилось дезертирство с фронта. Кое-где в глубинке происходили крестьянские бунты, однако их размах ни в коей мере не приближался к уровню бунтов 1905—1906 годов. На большинстве фабрик возобновились производства, а те проблемы, которые все еще сохраняли остроту, были вызваны не плохими взаимоотношениями рабочих и администрации, а блокадой.

Революция выбила нацию из колеи рутинной жизни, но постепенно жизнь стала возвращаться в нормальное русло, проявляясь в деятельности земельных комитетов, кооперативов, профессиональных союзов; страна с воодушевлением трудилась на ниве культуры и просвещения.

К августу большинство земств и городских управ уже были реорганизованы на основе принципа всеобщего голосования. После восстания 4 июля большевики в Советах, особенно в провинции, практически потеряли всякое влияние. Да и сами Советы, сыграв свою роль в период падения монархии, по сути дела, были на грани самораспада. Осенью 1917 года эта тенденция стала настолько очевидной, что даже официальный орган Центрального комитета Совета газета "Известия" писала, что Советы солдатских и рабочих депутатов переживают состояние очевидного кризиса. Многие из них прекратили существование, еще больше существуют лишь на бумаге. Система рабочих органов Советов в некоторых местах разрушена, в других — ослаблена, в остальных — находится в состоянии упадка. "Известия" объясняли причины этого упадка тем, что Советы перестали быть всеобъемлющими демократическими органами. Они нигде не представляют демократического движения в целом и вряд ли где-нибудь — большинство этого движения. И даже в главных центрах — в Москве и Петрограде, где Советы проявили себя с лучшей стороны, они ни в коем случае не объединяют все демократические элементы. В их работе не принимают участия представители разных слоев интеллигенции и даже некоторые прослойки рабочих. Советы выполнили, по мнению газеты, свою задачу и теперь, когда местные органы власти выбраны на основе всеобщего голосования, когда рабочие получили наилучшую в данных условиях систему профессионального представительства на демократической основе, существование Советов потеряло всякий смысл. Они были эффективным органом в борьбе со старым режимом, но они абсолютно неспособны создать новый. У них нет подготовленных кадров, нет опыта и, главное, нет необходимых организаций, подчеркивали в заключение "Известия".

И при этом мы в правительстве все время остро ощущали необходимость установления более тесных связей со всеми слоями населения.

Ибо мы понимали, что без таких связей станем крайне уязвимы перед демагогическим давлением и в случае неудач на фронте (как это имело место после мощнейшего немецкого наступления у Калуца и Тарнополя), и в случае существующего недовольства в военных и гражданских кругах. Вот почему, как только завершился июльский кризис и было сформировано новое правительство, я предложил созвать как можно скорее в Москве Государственное совещание. Прямой контакт с представителями всех классов и групп даст нам возможность почувствовать пульс страны и в то же время изложить и объяснить как нашу политику, так и стоящие перед нами проблемы.

Государственное совещание, в котором приняли участие представители всех демократических организаций, проходило с 12 по 15 августа в Москве, в Большом театре. На нем не были представлены только крайне правые монархисты, которые на какое-то время затаились, и большевики, отказавшиеся принять процедурные правила, касающиеся порядка выступления на совещании. В первый день работы совещания большевики безуспешно попытались толкнуть всех рабочих Москвы на забастовку. Другим проявлением экстремизма была пышная встреча, которую организовали на вокзале сторонники военной диктатуры генералу Корнилову, также прибывшему на совещание. Оба эти инцидента — неудачная забастовка и встреча Корнилова — лишь послужили делу изоляции левых и правых сторонников диктатуры от подавляющего большинства населения России, которое по своим убеждениям целиком поддерживало демократию.

Не хочу в подробностях описывать Московское Государственное совещание*.

Интерес представляет не то, что было сказано, а искренность и глубокий патриотизм выступавших. Были моменты довольно резких столкновений между политическими противниками, но были и моменты, когда тысячи собравшихся в зале людей демонстрировали единодушную поддержку новому государству и преданность стране. Самое замечательное событие произошло после бурных дебатов между выступавшим от социалистических партий Церетели и представителем крупного промышленного и финансового капитала Бубликовым. Неожиданно оба они двинулись навстречу друг другу и после сердечного рукопожатия высказались за классовое перемирие во имя интересов Родины.

Поразительное единодушие проявилось в том, с каким воодушевлением встречало совещание требование установления республики, которое звучало в выступлениях всех ораторов — от рабочих до капиталистов, от генералов до простых солдат.

Возвращаясь мыслями к тем трем дням, я сегодня понимаю, что совершил тогда одну большую ошибку. К тому времени я уже знал о готовящемся военном заговоре и я также знал имена некоторых главарей.

Чего я, однако, не понимал, это того, что работа Московского совещания совпала с критической фазой в подготовке заговора. И хотя полковник Верховский, командовавший Московским военным округом, сообщив мне о передвижениях войск с Дона и из Финляндии, настоятельно советовал арестовать некоторых высокопоставленных офицеров, мои собственные данные не давали оснований ожидать немедленного восстания в Москве. Однако в своем заключительном выступлении я, вместо

---

* Как это ни странно, но советское государственное издательство опубликовало в 20-х годах стенограмму совещания. Все выступления приведены полностью и безо всяких искажений.

того чтобы без обиняков высказать все до конца, ограничился намеком, прекрасно понятым главарями заговора, что любая попытка навязать волю правительству или народу будет решительно подавлена. Девять десятых из присутствовавших не поняли этого предупреждения, однако некоторые из газет, которые были в курсе дела, не без иронии заметили, что я в конце своей заключительной речи дал волю "истерии".

Сегодня-то я понимаю, что вместо того чтобы изъясняться загадками, следовало открыто сказать о готовящемся вооруженном восстании. Я умолчал об этом, ибо не хотел травмировать армию и всю страну рассказом о заговоре, который был еще только в стадии подготовки. Если бы я знал в то время, что во главе заговора стоит Верховный главнокомандующий, которого я сам назначил и на помощь которого в борьбе с заговорщиками полагался, то конечно же сказал бы об этом на совещании и немедленно, тут же на месте принял все необходимые меры. Но я не знал этого, и России пришлось дорогой ценой расплачиваться за мою веру в него.

По величайшей иронии контрреволюционное движение, которое не имело глубоких корней ни в стране, ни в армии и поддерживалось лишь кучкой офицеров, по сути дела, планировало уничтожение тех ценностей, в защиту которых оно якобы выступало. Это отлично понимал Великий князь Николай Михайлович, историк-любитель с хорошо развитым чувством здравого смысла в области политики, который часто навещал меня по ночам в Зимнем дворце и сообщал о том, что происходит в гвардейских полках и в высшем обществе, никогда, даже случайно, не упомянув ни одного имени. "Эти умники,— сказал он как-то, имея в виду гвардейских офицеров, замешанных в заговоре,— абсолютно не способны понять, что вы (то есть Временное правительство) — последний оплот порядка и цивилизации. Они стремятся разрушить его и когда в этом преуспеют, все, что осталось, будет сметено неконтролируемой толпой".

Я сказал генералу Корнилову, что ему стоило бы положить конец опасным играм, которые затеваются в его окружении... "В конце концов,— заявил я,— если какой-нибудь генерал рискнет открыто выступить против Временного правительства, он сразу же почувствует, что попал в вакуум, где нет железных дорог и средств связи с его собственными войсками". Именно это и произошло! Предпринятая в ночь с 26 на 27 августа попытка захватить власть посредством молниеносного переворота в Петрограде была пресечена в корне без единого выстрела.

ИМПЕРАТОРСКАЯ СЕМЬЯ

Я хорошо помню мою первую встречу с бывшим царем, которая состоялась в Александровском дворце в середине апреля. По прибытии в Царское Село я тщательно осмотрел все помещения, изучил систему охраны и общий режим содержания императорской семьи. В целом я одобрил положение, дав коменданту дворца всего несколько рекомендаций относительно улучшения условий содержания. Затем я попросил бывшего гофмаршала двора графа Бенкендорфа сообщить царю, что я хотел бы встретиться с ним и с Александрой Федоровной.

Двор в миниатюре, состоявший всего из нескольких человек, не покинувших Николая II, все еще соблюдал прежний этикет. Старый граф с моноклем в глазу выслушал меня с подчеркнутым вниманием и ответил: "Я доложу Его Величеству". Через несколько минут он возвратился и торжественно объявил: "Его Величество милостиво согласился принять Вас". Все это выглядело несколько нелепо и не к месту, однако мне

не хотелось лишать графа последних иллюзий. Он по-прежнему считал себя гофмаршалом Его Величества Царя. Это все, что у него осталось. Большинство из ближайшего окружения царя и его семьи покинули их. И даже у детей царя, которые болели корью, не было сиделки и об оказании медицинской помощи заболевшим пришлось позаботиться Временному правительству.

Когда Николай II был всемогущ, я сделал все, что мог, чтобы содействовать его падению, но к поверженному врагу я не испытывал чувства мщения. Напротив, я хотел внушить ему, что революция, в чем торжественно поручился князь Львов, великодушна и гуманна к своим врагам, и не только на словах, но и на деле. Только таким было мщение, достойное Великой Революции, благородное мщение суверенного народа.

Конечно же, если бы юридическое расследование, проведенное по распоряжению правительства, обнаружило доказательства того, что Николай II перед войной или во время войны совершил предательство в отношении своей страны, его бы немедленно отдали под суд и о его отъезде за границу не могло быть и речи. Однако была доказана его несомненная невиновность.

Встречу с царем я ожидал с чувством некоторого волнения, опасаясь, оказавшись лицом к лицу с ним, не сдержать своих чувств.

Все это пронеслось у меня в голове, пока мы шли дворцовыми апартаментами. Наконец мы дошли до детской комнаты. Оставив меня перед закрытой дверью, ведущей во внутренние покои, граф вошел внутрь, чтобы сообщить о моем приходе. Почти тотчас возвратившись, он произнес: "Его Величество приглашает вас". И распахнул дверь, остановившись на пороге.

Стоило мне, подходя к царю, окинуть взглядом сцену, и мое настроение полностью изменилось. Вся семья в полной растерянности стояла вокруг маленького столика у окна прилегающей комнаты. Из этой группы отделился невысокий человек в военной форме и нерешительно, со слабой улыбкой на лице направился ко мне. Это был Николай II. На пороге комнаты, где я ожидал его, он остановился, словно не зная, что делать дальше. Он не знал, как я себя поведу. Следует ли ему встретить меня в качестве хозяина или подождать, пока я заговорю? Протянуть ли мне руку или дождаться, пока я первым поздороваюсь с ним? Я сразу же почувствовал его растерянность, как и беспокойство всей семьи, оказавшейся вместе, в одном помещении с ужасным революционером. Я быстро подошел к Николаю II, с улыбкой протянул ему руку и отрывисто произнес: "Керенский", как делал обычно, представляясь кому-либо. Он крепко пожал мою руку, улыбнулся, почувствовав, по-видимому, облегчение, и тут же повел меня к семье. Его сын и дочери, не скрывая любопытства, внимательно смотрели на меня. Александра Федоровна, надменная, чопорная и величавая, нехотя, словно по принуждению, протянула свою руку. В этом проявилось различие в характере и темпераменте мужа и жены. Я с первого взгляда понял, что Александра Федоровна, умная и привлекательная женщина, хоть и сломленная сейчас, и раздраженная, обладала железной волей. В те несколько секунд мне стала ясна та трагедия, которая в течение многих лет разыгрывалась за дворцовыми стенами. Несколько последовавших за этой встреч с царем лишь подтвердили мое первое впечатление.

Я поинтересовался здоровьем членов семьи, сообщил, что родственники за границей беспокоятся за их благополучие, и обещал без промедления передать любые послания, какие они захотели бы им направить. Я спросил, не имеют ли они каких-либо жалоб, как ведет себя охрана и в чем они нуждаются. Я просил их не тревожиться и целиком и полностью положиться на меня. Они поблагодарили за внимание, и я собрался

уходить. Николай II поинтересовался военной ситуацией и пожелал мне успехов на новом и ответственном посту. В течение весны и лета он следил за событиями на фронте, внимательно читал газеты и расспрашивал своих посетителей.

Таковой была моя первая встреча с Николаем "Кровавым". После всех ужасов многолетнего правления большевиков эпитет этот потерял всякий смысл. Тираны, пришедшие на смену Николаю, вызывали куда большее отвращение, поскольку вышли из народа или из интеллигенции и потому были виновны в совершении преступлений против собственных собратьев.

Полагаю, что опыт большевистского режима уже заставил многих изменить свои суждения о личной ответственности Николая II за все преступления в период его правления. Склад ума и обстоятельства жизни царя обусловили его полную оторванность от народа. Он знал о пролитой крови и пролитых слезах тысяч людей лишь из официальных документов, в которых ему сообщали о "мерах", принятых властями "в интересах мира и безопасности государства". Эти доклады не доносили до него боли и страданий жертв, в них лишь говорилось о "героизме" солдат, "преданно выполнявших свой долг перед царем и отечеством". С детства его приучили верить, что его благо и благо страны — одно и то же, а потому "вероломные" рабочие, крестьяне и студенты, которых расстреливали, казнили или отправляли в ссылку, казались ему чудовищами, отбросами человечества, которых следует уничтожить ради интересов страны и его "верноподданных".

Если сравнивать его с нашими современными, обгаженными кровью "друзьями народа", то станет очевидным, что бывший царь отнюдь не был лишен человеческих чувств, что натуру его губительным образом изменили его окружение и традиции.

Я уходил от него взволнованный и возбужденный. Одного взгляда на бывшую царицу было достаточно, чтобы распознать ее сущность, которая полностью соответствовала суждению тех, кто лично знал ее. Но Николай, с его ясными, голубыми глазами, прекрасными манерами и благородной внешностью, представлял для меня загадку. Или он просто умело пользовался обаянием, унаследованным от своего деда Александра II? Или был всего лишь опытным актером и искусным лицемером? Или безобидным простаком, под каблуком у собственной жены, которым вертят все остальные? Представлялось непостижимым, что этот вялый, сдержанный человек, платье на котором казалось с чужого плеча, был царем всей России, царем Польским, Великим князем Финляндским и т. д. и т. д. и правил огромной империей 25 лет! Не знаю, какое впечатление произвел бы на меня Николай II, повстречайся я с ним в пору, когда он еще был правящим монархом. Но сейчас, после революции, я был поражен: ничто в его облике не позволяло предположить, что всего лишь месяц назад так много зависело от одного его слова. Я ушел, полный желания разрешить загадку этого странного, испуганного и при этом обезоруживающе обаятельного человека.

После этого первого моего посещения царя я решил назначить нового коменданта Александровского дворца, человека, которому мог полностью доверять. Я не мог оставить императорскую семью на попечение лишь горстки сохранивших ей верность придворных, упорно державшихся дворцового этикета*, да солдат стражи, не спускавших с них глаз. Позднее появились слухи о "контрреволюционном" заговоре во дворце, основанные лишь на том, что "двор" посылал к обеду

---

* Граф Бенкендорф, Елизавета Нарышкина, князь Долгорукий, д-р Боткин, Шнейдер и др.

бутылку вина несшему караул офицеру. Было важно иметь во дворце надежного, умного и тактичного посредника. Я остановил свой выбор на полковнике Коровиченко, военном юристе, ветеране японской и европейской войн, которого я знал как мужественного и прямого человека. Я не ошибся, выбрав его: Коровиченко содержал узников в полной изоляции и при этом сумел внушить им чувство уважения к новой власти.

В каждую из своих редких и кратких поездок в Царское Село я стремился постичь характер бывшего царя: Я понял, что его ничто и никто не интересует, кроме, пожалуй, дочерей. Такое безразличие ко всему внешнему миру казалось почти неестественным. Наблюдая за выражением его лица, я увидел, как мне показалось, что за улыбкой и благожелательным взглядом красивых глаз скрывается холодная, застывшая маска полного одиночества и отрешенности. Он не захотел бороться за власть, и она просто-напросто выпала у него из рук. Он сбросил эту власть, как когда-то сбрасывал парадную форму, меняя ее на домашнее платье. Он заново начинал жизнь — жизнь простого, не обремененного государственными заботами гражданина. Уход в частную жизнь не принес ему ничего, кроме облегчения. Старая госпожа Нарышкина передала мне его слова: "Как хорошо, что не нужно больше присутствовать на этих утомительных приемах и подписывать эти бесконечные документы. Я буду читать, гулять и проводить время с детьми". И это, добавила она, была отнюдь не поза.

И действительно, все, кто общался с ним в этом его новом положении пленника, единодушно отмечали, что Николай II постоянно пребывал в хорошем расположении духа и явно получал удовольствие от своего нового образа жизни. Он колот дрова и укладывал их в парке в поленицы. Время от времени занимался садовыми работами, катался на лодке, играл с детьми.

Жена же его весьма остро переживала утрату власти и никак не могла свыкнуться со своим новым положением. С ней случались истерические припадки, временами ее поражал частичный паралич. Всех вокруг она замучила бесконечными разговорами о своих несчастьях и своей усталости, своей непримиримой злобой. Такие, как Александра Федоровна, никогда ничего не забывают и никогда ничего не прощают. В период проведения расследования действий ее ближайшего окружения я был вынужден принять определенные меры, чтобы помешать ее сговору с Николаем II на случай их вызова в качестве свидетелей. Точнее было бы сказать, что я был вынужден воспрепятствовать ей оказывать давление на мужа. Исходя из этого, я распорядился на время расследования разлучить супружескую пару, разрешив им встречаться только за завтраком, обедом и ужином с условием не касаться проблем прошлого.

Я должен пересказать здесь один короткий разговор с Александрой Федоровной, во время которого госпожа Нарышкина находилась в соседней комнате. Мы разговаривали по-русски, на котором Александра Федоровна изъяснялась с заминками и сильным акцентом. Неожиданно лицо ее вспыхнуло и она возбужденно заговорила: "Не понимаю, почему люди плохо говорят обо мне. С тех пор, как я впервые приехала сюда, я всегда любила Россию. Я всегда сочувствовала России. Почему же люди считают, что я на стороне Германии и наших врагов? Во мне нет ничего немецкого. Я — англичанка по образованию, английский — мой язык". Она пришла в такое возбуждение, что разговаривать далее стало невозможно.

В своих мемуарах Нарышкина тоже проливает свет на события в Царском Селе, приводя весьма интересные данные. 16 апреля она записывает: "Сказали, приедет Керенский, чтобы подвергнуть допросу царицу. Меня пригласили присутствовать при разговоре как свидетельницу. Я застала ее в возбужденном, раздраженном и нервном состоянии.

Она была готова наговорить ему массу глупостей, однако мне удалось успокоить ее словами: "Ради Бога, Ваше Величество, ни слова об этом... Керенский делает все, что может, чтобы спасти Вас от партии анархистов. Заступаясь за Вас, он рискует своей популярностью. Он Ваша единственная опора. Постарайтесь, пожалуйста, понять сложившуюся ситуацию..."

В этот момент вошел Керенский... Он попросил меня выйти и остался наедине с царицей. Вместе с комендантом я вышла в маленькую гостиную, где увидела Бенкендорфа и Ваню (Долгорукого). Спустя несколько минут, вернувшись с прогулки, к нам присоединился и царь... Потом Керенский перешел в кабинет царя, а мы вошли к царице. На царицу Керенский произвел хорошее впечатление — он показался ей отзывчивым и порядочным... Ей кажется, что с ним можно достичь взаимопонимания. Надеюсь, что и она оставила у него столь же благоприятное впечатление**.

Я объяснил Николаю II причины его отдельного проживания с женой и попросил о помощи, с тем чтобы в это дело не оказался вовлеченным никто, кроме тех, кто уже о нем знал, — Коровиченко, Нарышкина и граф Бенкендорф. Все трое оказали мне существенную помощь, строго придерживаясь моих предписаний. И каждый из них поделился тем, как благотворно сказались на бывшем царе раздельное с женой проживание: он воспрял духом и стал гораздо бодрее.

Когда я сообщил ему, что предстоит расследование и не исключено, что Александру Федоровну будут судить, он ограничился краткой репликой: "Что ж, я никогда не поверю, что Алиса замешана в этом. Имеются ли какие-нибудь доказательства?" На что я ответил: "Пока не знаю".

В наших разговорах мы избегали упоминать титулы. Как-то он сказал: "Итак, теперь Альберт Томас на вашей стороне. А в прошлом году он обедал у меня. Интересный человек. Передайте ему, пожалуйста, привет". Я выполнил его просьбу.

Та манера, с которой он сравнил "прошлый год" и "теперь", говорила о том, что временами Николай II не без грусти возвращался мыслями в прошлое, но в наших разговорах мы его никогда не затрагивали. Он лишь крайне редко и вскользь упоминал о нем. Видимо, ему было мучительно больно говорить об этом, особенно о тех людях, которые столь поспешно покинули и предали его. При всем своем неверии в человечество он все же не ожидал такого вероломства. Из тех намеков, которые порой срывались в разговорах с его уст, я сделал вывод, что он до сих пор ненавидит Гучкова, что считает Родзянко недалеким человеком, что не может представить себе, кто такой Милюков, что высоко ценит Алексеева и уважает князя Львова.

Лишь однажды я видел, как Николай II потерял над собой контроль. Царскосельский Совет решил последовать примеру Петрограда и устроить официальные похороны жертв революции. Решено было провести их в Страстную пятницу, на одной из центральных аллей Царскосельского парка, на некотором расстоянии от дворца, однако прямо против окон тех комнат, которые занимала императорская семья. Бывшему царю ничего не оставалось, как смотреть из окон своей позолоченной клетки, как его караульные с красными знаменами в руках отдают последние почести павшим борцам за свободу. Это был мучительный и драматический эпизод. Гарнизон в то время еще был под контролем и мы не опасались каких-либо беспорядков. Мы даже были уверены, что

---

* The Russian Provisional Government. Vol. 1. P. 187—188.

в этой траурной церемонии войска непременно продемонстрируют свой самоконтроль и чувство ответственности, что, собственно, и произошло.

Вопрос об императорской семье привлекал к себе слишком большое внимание и доставлял нам множество хлопот. 4 марта правительство получило от бывшего царя записку, в которой он просил обеспечить ему и его семье безопасный проезд в Мурманск для отъезда в Англию. 6—7 марта Милюкову пришлось встретиться с английским послом сэром Джорджем Бьюкененом и просить его выяснить отношение британского правительства к возможности оказать гостеприимство императорской семье. 10 марта Бьюкенен сообщил Милюкову, что британское правительство положительно отнеслось к его просьбе. Однако организовать немедленный отъезд императорской семьи оказалось невозможным. Все дети были больны ветрянкой. К тому же в эти первые дни революции было невозможно, как выяснилось, гарантировать безопасность бывшего царя на пути его следования в Мурманск.

9—10 марта Временное правительство возложило на меня наблюдение за содержанием бывшего царя под стражей в Александровском дворце, а также подготовку к его отъезду в Мурманск. В любом случае оставаться далее в Царском Селе Николаю II было нельзя. Мы опасались, что в случае каких-либо политических осложнений или беспорядков в Петрограде пребывание царя в Александровском дворце станет небезопасным. А тем временем ситуация в Лондоне также изменилась. Британское правительство пересмотрело свое решение и отказалось оказать гостеприимство этим родственникам своего собственного королевского дома до тех пор, пока длится война. К сожалению, сэр Джордж Бьюкенен не сообщил об этом решении немедленно Временному правительству, и оно продолжало подготовку к отъезду Николая в Англию. Когда она была завершена, Терещенко попросил сэра Джорджа войти в контакт со своим правительством по вопросу о том, когда можно ожидать прибытия в Мурманск британского крейсера, который заберет на борт императорскую семью. И только в этот критический момент сэр Джордж с нескрываемой горечью сообщил, что прибытие императорской семьи в Англию не считается более желательным.

В своих мемуарах сэр Джордж Бьюкенен пишет*: *"Наше предложение оставалось в силе и никогда не пересматривалось"* (курсив мой). К сожалению, сэр Джордж не мог позволить себе раскрыть правду. В 1932 году, после смерти сэра Джорджа, его дочь Мэриэл описывает тот шок, который испытал ее отец, получив из Лондона указание отменить приглашение, предоставленное 10 марта членам императорской семьи. "После выхода в отставку мой отец намеревался раскрыть правду,— пишет Мэриэл,— однако министерство иностранных дел уведомило его, что он потеряет пенсию, если сделает это"**. Сэр Джордж, чьи личные средства были весьма ограничены, не решился идти против воли правительства. Вину за перемену в политике Мэриэл Бьюкенен возлагает на Ллойда Джорджа. Тем не менее в своей официальной биографии Георга V Гарольд Николсон в конце концов раскрыл правду:

"На совещании, состоявшемся 22 марта (н. ст.) на Даунинг-стрит, в котором приняли участие премьер-министр, м-р Бонар Лоу, лорд Стэнфордхэм и лорд Гардинг, было решено, что, поскольку предложение было внесено по инициативе русского правительства, отклонить его не представляется возможным..." Далее Николсон пишет: "...к этому

---

* *Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoires. London—New York, 1923. Vol. 2.*

** *Buchanan M. The Dissolution of Empire. London, 1932. P. 192, 195—197.*

времени (2 апреля н. ст.) предложение о предоставлении убежища в Англии царю и его семье стало достоянием гласности. В левых кругах палаты общин и в прессе поднялся возмущенный крик. Король, которого несправедливо сочли его инициатором, получил немало оскорбительных писем. Георг V понял, что правительство не в полной мере предусмотрело все возможные осложнения. 10 апреля (н. ст.) он дал указание лорду Стэнфордхэму* предложить премьер-министру, учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство, что правительство Его Величества вынуждено взять обратно данное им ранее согласие***.

На меня возложили неблагоприятную задачу сообщить бывшему царю об этом новом повороте событий. Вопреки моим ожиданиям, он отнесся к этому сообщению абсолютно спокойно и выразил пожелание вместо Англии отправиться в Крым. Однако поездка в Крым, связанная с путешествием через крайне беспокойные и нестабильные районы страны, представлялась в то время неразумной. Вместо этого я предложил сибирский город Тобольск, с которым не было железнодорожной связи. Я знал, что резиденция губернатора в Тобольске вполне комфортабельна и удобна для проживания императорской семьи.

Приготовления к отъезду велись в обстановке полной секретности, поскольку любое сообщение о нем могло повести к непредвиденным осложнениям. О них сообщили даже не всем членам Временного правительства. По сути дела, лишь 5 или 6 человек в Петрограде знали о том, что происходит. То, как легко удалось доказать целесообразность этой поездки, свидетельствовало о том, насколько упрочилась к августу власть Временного правительства. В марте или апреле переезд бывшего царя был бы невозможен без бесконечных консультаций с Советами. А 14 августа потребовалось лишь мое личное распоряжение, утвержденное Временным правительством, и Николай II с семьей отправился в Тобольск. Ни Совет, ни кто-либо еще об этом не знали.

После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и когда я сказал, что все эти меры предпринимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: "Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит, так оно и есть". И повторил: "Мы верим вам".

Около 11 часов вечера, после заседания Временного правительства, я отправился в Царское Село, чтобы самому проследить за отъездом царя в Тобольск. Прежде всего я обошел казармы и проверил караульную службу, выбранную самими полками для сопровождения поезда и для охраны Николая II по прибытии на место назначения. Все солдаты были в полном порядке и в несколько приподнятом настроении. В городе к тому времени пошли смутные слухи об отъезде бывшего царя, и с вечера во дворцовом парке стала собираться толпа любопытных. В самом дворце завершались последние приготовления. Стали выносить багаж и грузить в автомашины. Все мы были почти на пределе. Перед самым отъездом Николаю II разрешили повидаться с братом — Великим князем Михаилом. Сколь ни неприятно было мне вмешиваться в такое сугубо личное дело, я был вынужден присутствовать при встрече.

---

* Личный секретарь Георга V.

** *Nicolson H. King George V, His Life, and Reign. New York, 1958. P. 299—302.*

Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, малозначащий разговор, столь обычный для такого рода кратких встреч. "Как Алиса?" — спросил Великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватаясь за руку другого или за пуговицу мундира.

— Могу ли я видеть детей? — обратился ко мне Великий князь.

— К сожалению, я вынужден вам отказать, — ответил я. — Не в моей власти продлить долее вашу встречу.

— Ну что ж, — сказал Великий князь брату. — Обними их за меня.

Они начали прощаться. Кто мог подумать, что это была их последняя встреча?

Я сидел в комнате рядом с кабинетом царя, отдавая последние распоряжения и ожидая сообщения о прибытии поезда, и слышал, как кто-то из юных наследников, видимо, Алексей, шумно бегал по коридору. Время шло, а никаких признаков поезда по-прежнему не было. Железнодорожники колебались, подавать или не подавать состав, и лишь на рассвете он появился. На автомашинах мы направились к тому месту, где он нас ожидал, неподалеку от станции Александровская. И хотя мы заранее установили порядок размещения в автомашинах, в последний момент все смешалось и наступила неразбериха.

Впервые я увидел бывшую царицу только как мать своих детей, взволнованную и рыдающую. Ее сын и дочери, казалось, не столь тяжело переживали отъезд, хотя и они были расстроены и в последние минуты крайне возбуждены. Наконец, после последних прощальных слов, машины в сопровождении эскорта казаков спереди и сзади тронулись. Когда выезжали из парка, уже ярко светило солнце, но город, к счастью, еще спал. Подъехали к поезду, проверили списки отъезжающих. Последние слова прощания, и поезд медленно отошел от станции. Они уезжали навсегда и ни у кого не мелькнуло и подозрения, какой их ожидал конец*.

---

* Падение Временного правительства открыло дорогу кровавой диктатуре и привело царскую семью к мученической гибели 16 июля 1918 года, которую замыслили Ленин, Свердлов и Троцкий. В этой связи интересна оценка самого Троцкого трагической гибели Романовых: "...следующая моя поездка в Москву состоялась после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил между прочим: "Да, а где находится царь?" "С ним покончено, — ответил он. — Он расстрелян". "А где семья?" "И семья вместе с ним". "Все?" — спросил я с явным изумлением. "Все! — повторил Свердлов. — Ну и что?" Он ожидал моей реакции. Я не ответил. "А кто принял такое решение?" — задал я вопрос. "Решение было принято здесь. Ильич посчитал, что нельзя оставлять белым живое знамя, вокруг которого они объединятся, особенно в нынешних трудных условиях..." Больше вопросов я не задавал. В конце концов решение это было не только целесообразным, но и необходимым. Жестокость этого акта правосудия показала миру, что мы будем продолжать борьбу без всякой жалости, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запугать, устрашить и обескуражить врага, но и для того, чтобы также встряхнуть наши собственные ряды, показать, что возврата к прошлому нет, что впереди — либо полная победа, либо полное поражение" (см.: Trotsky's Diary in Exile, 1935. Cambridge (Mass.), 1953. P. 81).